

А. В. Малащенко

ТРИ ГОРОДА НА СЕВЕРЕ АФРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. В. Малащенко

ТРИ ГОРОДА НА СЕВЕРЕ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Р. Г. ЛАНДА

Малашенко А. В.

М 18 Три города на севере Африки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

104 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга путевых очерков историка-арабиста представляет собой рассказ о пребывании автора в столице Египта Каире, алжирском провинциальном центре Батне и втором по значению городе Ливии — Бенгази. Книга дает представление о жизни и обычаях населения этих городов, их традициях, истории, архитектурном облике.

М 190502000-009
013(02)-86

ББКл8:

Алексей Всеволодович Малашенко

ТРИ ГОРОДА НА СЕВЕРЕ АФРИКИ

*Утверждено к печати редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор **Р. Г. Стороженко**. Младший редактор **Г. А. Аристова**.
Художник **Л. С. Эрман**. Художественный редактор **Э. Л. Эрман**.
Технический редактор **В. П. Стуковнина**. Корректор **Р. Ш. Чемерис**.

ИБ № 15538

Сдано в набор 22.07.85. Подписано к печати 10.12.85. А-02704.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 5,46+0,21 вклейка на мелованной бумаге.
Усл. кр.-отт. 5,88. Уч.-изд. л. 6,05. Тираж 15000 экз. Изд. № 5674.
Зак. № 1451. Цена 55 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

ПО «Чертановская типография» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома, 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Первые часы в Каире

Как-то в детстве мне попала на глаза серо-белая открытка с круглой, окаймленной тесно прижавшимися друг к другу домами площадью, с едва различимыми автомобилями. Внизу подпись: «Вид г. Каира». Я любил рассматривать эту картинку. И чем больше вглядывался в нее, тем сильнее было желание попасть в Каир. Причем не куда-нибудь, а на эту площадь.

Вполне возможно, именно открытка и пробудила первый, еще не осознанный интерес к Востоку, приведший меня спустя несколько лет на арабское отделение Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ, откуда, как уверяли старшекурсники, «до Каира рукой подать». Как бы то ни было, но перспектива путешествия в Каир неожиданно становилась реальной, и я почти не удивился, когда на четвертом курсе мне предложили поехать туда на студенческую практику.

И вот в начале июля 1972 года, нетерпеливо спустившись по трапу ИЛ-62, я очутился в Каире.

О Каире написали тома — историки, путешественники, географы, писатели, разведчики. Но в том-то и заключается его необычайная притягательность, что каждый, попав пусть на самое короткое время на каирские улицы и площади, всю жизнь остается под обаянием этого великого города.

Я ждал от Каира необычного: пирамид чуть ли не на каждом углу, стройных минаретов, верблюдов, шейхов. И уже в аэропорту слышался мне шум восточных базаров, о которых успели рассказать побывавшие в Каире знакомые.

Короче говоря, я ждал традиционного сказочного Востока и оглядывался по сторонам. Но первое, что я увидел, был броневик с нацеленным на середину трапа

пулеметом. В тени под брюхом самолета прохаживались автоматчики. Неподалеку, возле груды мешков с песком, еще один броневик... Мешки лежали и в здании аэропорта, в главном зале которого бросалось в глаза обилие людей в военной форме. Таков был будничныи каирский пейзаж ближневосточного конфликта: и хотя не рвались бомбы и не гибли люди, в самом воздухе остро чувствовалась напряженность, которая бывает в преддверии сильной грозы.

— Да, живут тут «на нерве», — заметил мой московский попутчик, когда я сказал ему о своем первом впечатлении.

Пришел обшарпанный служебный автобус с дерматиновыми коричневыми сиденьями, в который мы стали грузиться. Пока опоздавшие подтаскивали угловатые чемоданы, я стоял на тротуаре и тосковал: ни базаров, ни караванов, ни пирамид... И вдруг в десяти метрах от меня на случайно уцелевший посреди асфальта кусочек земли села пестрая птичка с хохолком. «Удод, — отметил я про себя, — худхудун». Худхудун было одним из двух первых арабских слов, вложенных в наши головы преподавателями еще на первом курсе. Исполненное арабской вязью, это слово еще долгое время вызывало во мне какой-то почти священный трепет. И таким близким и арабским показался теперь запыленный и поворобьиному нагловатый худхудун. Сразу подумалось: если здесь живет сам худхудун, значит, я действительно на Востоке.

Автобус заворчал, затрясся. Оторвавшись от созерцания удода, я последним влез в душный салон, неосторожно уселся на раскаленное сиденье, подскочил от боли, автобус рванулся, и я вновь упал на эту «сковородку».

Мы ехали уже минут десять, а вид из окна все не менялся: бетонный забор, вдоль него огромные щиты авиакомпаний. Потом начались виллы, пальмы, густые акации — неинтересно. У одного из перекрестков топтались в ожидании трамвая люди. Тут же расположился деревянный зеленого цвета табачный ларек, украшенный длинной затейливой надписью, прочесть которую я не сумел. Это заметно испортило настроение: выяснилось, что четырех неполных курсов может порой не хватить даже для такого на первый взгляд пустяка.

Шоссе постепенно перешло в улицу. Мы въехали в Гелиополис, расположенный в северной части Каира.

В переводе с греческого Гелиополис означает «Город солнца». Египтяне называют его Маср аль-Гедида — Новый Каир. Кстати, по-арабски имя египетской столицы звучит и пишется точно так же, как и страны, — «Маср», и поэтому в разговоре не всегда бывает понятно, что имеет в виду египтянин — только Каир или весь Египет.

Потряхивая сложенными чемоданами, автобус катил по кочковатым улицам, в опущенные окна проникал горячий ветерок, сверкали солнечным огнем поручни сидений. Вот он свернул с оживленной магистрали налево, пересек обширный пустырь и направился в сторону от центра города. Минут через пятнадцать автобус остановился.

— Мадинат-Наср, — объявил шофер.

Высокие дома, с балконов свисают разноцветные ковры, простыни и половики. Ни единого деревца.

Автобус подъехал к построенному в виде буквы «П» дому. Остановился. Мы вышли и устремились в образованную его стенами спасительную тень. Центральная часть дома покоилась на бетонных опорах, между которыми было прохладно и даже гулял сквознячок.

Зато душно, почти как в автобусе, оказалось в моей квартире, нагретой прямыми, пробивавшимися сквозь опущенные жалюзи лучами солнца. Приняв душ — несколько вялых теплых струек, — я лег на диван и почти тотчас же уснул.

Во сне я вспомнил, что сплю в Каире, и проснулся. Раскрыв окно и увидев, что солнце опускается к горизонту и день подходит к концу, я понял, что сегодня вряд ли успею выбраться в город. Я немало огорчился и решил наверстать упущенное — начать знакомство с Каиром прямо сейчас, поднявшись на еще не остывшую от зноя плоскую крышу.

Мадинат-Наср

Дом стоял на самой окраине Мадинат-Насра. Вместе с тремя другими такими же серыми громадами он составлял улицу, протянувшуюся на две остановки метро. Здесь жили не только коренные каирцы, но и семьи, переместившиеся в Каир из разрушенных Израилем Суэца, Исфахи и других городов; часть квартир была предоставлена палестинским беженцам. Вдоль улицы расположились фанерные лавочки, хозяева которых уже зажигали над своим товаром разноцветные лампочки.

Кое-кто из них, экономя электричество, ставил на прилавок обыкновенную керосиновую лампу. Неподалеку от дома были расчерчены квадраты новых отстраивавшихся улиц, поднимался целый квартал одноэтажных вилл, фасадом выходящих на засыпанный строительным мусором тротуар. За домом прямо от его стен уходила вдаль холмистая пустыня, слегка присыпанная потемневшим в закатных лучах песком. Невдалеке виднелись белые корпуса недостроенной олимпийской деревни. Здесь в свое время предполагалось провести Олимпийские игры, но ближневосточный котел опять закипел, и спортсменам пришлось искать место попрохладнее.

Солнечный шар, багровея, опускался где-то далеко в темно-оранжевое облако пыли, нависшее над центральными кварталами города. Слева от центра поднимались холмы Аль-Мукаттама, на которых, как гласит библейская легенда, Моисей перед исходом иудеев из Египта получил часть заповедей. На Мукаттам, говорят, поднимался во время своих странствий Иисус.

Задолго до захода солнца зажглись уличные фонари. Вид с крыши десятиэтажного дома в Мадинат-Насре оказался бесконечно далек от романтического восточного пейзажа и даже от вида на блеклой открытке. Меня охватило уныние.

И вдруг издалека донесся пронзительный звук. Он возник неожиданно. Словно от взрыва. Он расстился по земле, взмывал вверх, заполняя душный воздух: «Алла-а-а-а-аху акбар!» («Велик Аллах!») Я знал, что муэдзину теперь не надо взбираться на минарет, на вершине которого смонтирован громкоговоритель; ему достаточно поставить на магнитофон кассету. И все-таки голос, призывавший правоверных на молитву, был частицей чудного таинственного Востока арабских сказок. Быть может, именно сегодня старый муэдзин не стал нажимать на клавишу, а поднялся по крутой лестнице минарета, чтобы самому исполнить призыв к молитве — азан?

Ночью почти не спал, забылся лишь под утро чутким, тревожным сном, из которого меня буквально вырвал рев пронесшегося над самой крышей самолета. Это был двухмоторный патрульный самолет, совершавший ежедневный облет восточных пригородов. Здесь к нему привкли.

Через открытое окно в комнату проникал свежий ветерок. По голубому небу плыло одинокое белое облако.

С улицы доносился шум просыпавшейся улицы. В Мадинат-Наср пришло утро.

Умывшись под душем и быстро перекусив захваченной из дома тушенкой, я спустился вниз и прошел к конечной остановке метро. Слово «метро» как-то не вязалось с желто-синими вагонами, бегавшими поодиночке или сцепленными по два-три по проложенным на земле железнодорожным рельсам. Каирское метро справедливее было бы назвать городской железной дорогой. Сходство с ней дополнялось тем, что недалеко от вокзала рельсы метро почти сливались с железнодорожными путями.

Вагоны метро делились на три класса, отличавшиеся друг от друга стоимостью билета. Естественно, в третьем было погрязнее и куда больше народу, чем в двух первых. Иногда на классы делился один и тот же вагон. Разница бросалась в глаза сразу при входе. В головной его части располагались состоятельные пассажиры, здесь могли оставаться и свободные места; в конце же вагона была самая настоящая давка.

Вот влезают в вагон третьего класса худые, одетые в заплатанные галабийи — длинные до пят рубахи — люди с корзинами, полными лука, петрушки, укропа. Они усаживаются на корточки прямо на площадке, тихо переговариваются друг с другом, медленно, словно нехотя, протягивают кондуктору-кумсари монету. А маленький поезд уже начал свой путь вдоль новостроек Мадинат-Насра, собирая ранних пассажиров.

Мадинат-Наср не походил на Восток: такие кварталы есть в любом крупном городе. Они удобны, по-своему красивы, но, увы, безлики. Об утрате Каиром восточного колорита пишут давно. Например, еще в 1902 году в одном уважаемом энциклопедическом издании говорилось, что «первоначальный чисто арабский характер Каира за последние 25 лет все более исчезает».

Мадинат-Наср построили в 60-е годы. Сюда планировалось перевести все министерства. Рассчитан микрорайон был на 100 тысяч человек. Проект не удалось осуществить полностью. Несколько тысяч квартир, которые получили там каирцы, конечно, не спасли город от хронического жилищного кризиса, но значение этого микрорайона, жители которого получили доступ к простым человеческим удобствам — воде, газу, канализации, — нельзя недооценивать.

Среди современных многоэтажных домов Мадинат-

Насра странно выглядели запряженные осликами тележки, на которых блестели вороха дешевой пластмассовой утвари или овощей и фруктов. Неестественно высокими голосами пели торговцы, задиравшие головы, чтобы высмотреть в окнах покупателя. Иногда сверху опускалась на веревке плетеная корзина. На дне ее — купюра в четверть- или полфунта и записка. Корзина быстро наполнялась помидорами, огурцами, персиками, и покупатель осторожно тянул ее наверх. Тележка катилась дальше. Спустя несколько минут по ее следам уже шел следующий торговец — высокий зеленщик с большой круглой корзиной на голове. Через каждую сотню шагов он останавливался, вертел головой и протяжно кричал: «Хадрауа-аа-т!» (Зе-е-лень!)

Вот, пожалуй, и вся «экзотика» Мадинат-Насра, куда так не любили ездить по вечерам таксисты: взять на обратный путь пассажиров было почти безнадежно.

В первый день пребывания в Каире пришлось ограничиться лишь беглым знакомством с Мадинат-Насром. Множество дел, связанных с оформлением вида на жительство, других документов отняли драгоценное время. Взяли свое и усталость, смена климата, воды, — одним словом, о поездке в центр не могло быть и речи. Вечером не оставалось ничего другого, как почитать какую-нибудь интересную книгу. О чем? Разумеется, о Каире.

Когда Каир еще не был основан

Тысячу лет стоит Каир на распутье широкого Нила. Выйдя из города, Нил распадается на реки, ручьи, каналы, образует треугольник дельты, карта которой так похожа на схему кровеносных сосудов.

Великие города возникали в дельте. Строили их могущественные фараоны. Кто знает, если бы не войны, пожары и наводнения, вся дельта Нила представляла бы сегодня огромных размеров архитектурный музей с экспонатами в натуральную величину.

Каир вполне мог быть основан одним из сотен египетских фараонов и стать старейшиной городов нашей планеты. Но основать великий в будущем город не сумели ни древние египтяне, ни греки, ни македоняне, ни римляне.

В 639 году в дельте Нила появились всадники, одетые в плащи и подпоясанные широкими поясами. Это

были арабы. Во главе них шел Амр ибн аль-Ас, посланный сюда за добычей вторым праведным халифом ислама Омаром ибн аль-Хаттабом. (Есть, впрочем, и другая версия прихода Амра в эти места. Он якобы отправился в поход самочинно, не уведомив о своих планах халифа.)

Амр остановился неподалеку от крепости, построенной еще персами и неоднократно перестраивавшейся римлянами, а позже византийцами. Крепость была ключом к дельте Нила, ее обладатель «запирал» реку.

Амр хотел поставить город на левом берегу Нила, в районе Гизы, где, по преданию, находились библейские райские кущи. Однако сам халиф Омар руководствовался соображениями военной тактики: из города на правом берегу было легче руководить войсками. Точка зрения халифа восторжествовала.

Амр разбил палатку, вокруг которой расположился лагерь арабских воинов, превратившийся затем в Аль-Фустат — первый арабский город на египетской земле. Пока это был еще не Каир, а всего лишь место, на котором впоследствии раскинулась часть египетской столицы.

От старого Фустата не сохранилось ничего, кроме мечети Амра, построенной в 641—642 годах. Земля, на которой стоит мечеть, принадлежала вдове купца-иудея, ни за какие деньги не желавшей расставаться со своей собственностью. Амр пошел на хитрость: он предложил вдове продать ему кусок земли размером с бычью шкуру. Женщина согласилась, а Амр велел разрезать свежую шкуру на несколько слоев. Получилось множество тончайших кусков, которых оказалось достаточно, чтобы покрыть большой участок. Этой земли вполне хватило для строительства мечети.

Мечеть перестраивали, расширяли, реконструировали. Последний раз — в 1798 году. До нас она дошла в сильно измененном виде, удивляя длиной аркад и обилием соединенных железными балками колонн.

В наше время эту мечеть посещают редко. Лишь в последнюю пятницу мусульманского поста рамадана приходят каирцы в самую древнюю на египетской земле святыню ислама.

В IX веке правителем Египта стал потомок раба-турка Ахмед ибн Тулун. К востоку от Фустата у подножия Мукаттама начал он строить свой город — Катайю.

Катаийя меньше Фустата, но весьма похожа на него своим полувоенным обликом, даже мечети слегка напоминают подготовленные к осаде крепости. Самая известная из них — мечеть Ибн Тулуна. Ибн Тулун и его потомки правили Египтом фактически независимо от багдадских халифов — Аббасидов. В 905 году их царствованию пришел конец. Аббасиды восстановили свою власть над Египтом. Но «золотые времена» этой династии были уже позади. На западе мусульманского мира взшло солнце нового лидера — династии Фатимидов. Фатимидские халифы утверждали, что свое происхождение они ведут от дочери пророка Мухаммеда — Фатимы. Влияние потомков пророка распространилось к середине X века на всю Северную Африку. 5 августа 969 года фатимидская армия под командованием полководца Джухара вступила в Фустат.

Хан аль-Халили и нищие

Приемник в комнате передавал военные марши, прерывавшиеся последними известиями. В холодильнике лежала половина недоеденного со вчерашнего вечера мясистого красного арбуза. А рядом в каких-то километрах располагался оригинал картинка «Вид г. Каира».

Я поднялся с дивана, решительно прошелся по комнате, вспоминая арабские слова и выражения, могущие понадобиться при случайном разговоре на улице, и открыл дверь.

Словно вызванное по заказу, стояло черно-белое такси.

— В центр, — попросил я, толком не зная, где этот центр находится и что он собой представляет.

Пожилой таксист не переспросил, а только согласно кивнул головой: «Мумкин» («можно»).

Сначала мы поехали вдоль рельсов метро. Впереди слева поднимались холмы Аль-Мукаттама. Замаячила цитадель с двумя тонкими женственными минаретами. Автомобиль свернул направо, проскочил две узкие извилистые улицы.

Из-за поворота вынырнул и, дребезжа, помчался прямо на нас «сумасшедший» деревянный трамвай. Шофер резко затормозил, и грохочущее многоголосое диво исчезло в конце улицы. Пожалуй, самым сильным впечатлением от моего первого каирского дня был именно трамвай.

— Где остановиться? — спросил таксист.

— Здесь.

Я вышел и чуть не подавился запахом, таким сильным и терпким, что было не продохнуть. Пахло чесноком, керосином, дымком жарившегося мяса. Сквозь эту пелену прорывались ароматы парфюмерных и москательных лавок.

Не помню, как называлась та извилистая улица с нависшими над ней, готовыми вот-вот рассыпаться балконами. По обеим сторонам ее тянулись галереи, в которых, прячась от солнца, теснились прилавки, киоски с запыленными часами и зажигалками, а то прямо на расстеленной на земле серой или полосатой тряпке, сваленные в кучу, лежали чашки, ложки, бритвы, гребенки, карандаши... Здесь все продавалось, но, наверное, ничего не покупалось. Торговцы уныло глядели на противоположную сторону улицы, точно все покупатели разгуливали именно там, и не обращали никакого внимания на проходивших рядом.

Обычная каирская улица. Возникла в XV веке. Сначала была просто земля, потом ее замостили, позже разделили трамвайной колеей и, наконец, заасфальтировали. Вроде бы осовременилась. Но ни асфальт, ни автомобили, ни голоса приемников не были в силах изгнать из нее дух Востока. Наоборот, она «переварила» все эти атрибуты нашего времени, они стали ее частью, точно японская электроника и бритвы «Жиллет» продаются здесь еще с XV века.

Долго плутал я в тот первый вечер по городу, пока не оказался на площади перед Аль-Азхаром, крупнейшим университетом и религиозным центром мусульманского мира. Я не осмелился войти в него, а пошел наугад, выбрав одну из вытекавших с площади улиц, и попал на легендарный Хан-аль-Халили. Об этом рынке золота, камней, серебра, чудовищно дорогих и захватывающе дешевых сувениров известно любому читателю, интересующемуся Востоком. В каждом восточном городе есть нечто подобное. Но Хан-аль-Халили есть только в Каире. Вообразите: узкая улица, петляющая между высокими домами, соединенными арками. Ярко. Очень ярко. Лавки освещены, блестят кольца в витринах (во многие из витрин вставлены пуленепробиваемые стекла). Если глаза устанут от света и цвета, их надо поднять вверх. И сразу темень. Черная ночь. И в вышине среди крыш домов горит круглая желтая луна.

Равнодушно ходили мимо рассыпанного в лавках золота люди — привыкшие к Хан-аль-Халили египтяне, пресыщенные экзотикой чужестранцы.

Печально и особенно неприглядно выглядят здесь нищие, словно тени стоящие почти на каждом углу улицы. На что надеются они? На мелочь от сдачи с богатой покупки или подачку при выгодной продаже. Не видно их глаз. Видны только руки, вытянутые, застывшие в немом вопросе: почему я, а не ты? Подавать бессмысленно ни на Хан-аль-Халили, нигде. Никогда еще подачка не спасла ни одного человека.

Многие бедняки зарабатывают тем, что помогают парковать машины. Едва автомобиль останавливается, к нему устремляются двое-трое, предлагая свои услуги. Избранный водителем счастливчик, отчаянно размахивая руками, показывает ему, куда лучше втиснуться.

— Эй, рагуль (Человек!) Поди! Подержи! Донеси.

«Рагуль» появлялся мгновенно. Он выполняет все, что от него требуют. Ставка от нусскырша¹ до пяти кыршей. (Кырш — за парковку автомобиля). Рагули слоняются по городу, заглядывая в глаза потенциальным работодателям. В обтрепанных брюках, в разорванной рубашке без пуговиц, в солдатском кителе. Возраст рагуля определяется тем часом, когда жизнь вытолкнула его на улицу искать работу. Восемнадцатилетнего парня можно принять за старика, а взрослый мужчина своим поведением напоминает мальчишку. Десятки, сотни тысяч рагулей слоняются по Каиру, они — питательная среда бандитизма, воровства... Рагуль обидчив и вспыльчив, особенно если знает, что ему не ответят, что ему ничего не грозит. Рагули нередко бывают участниками демонстраций, организованных как левыми, так и реакционными силами.

Сейчас, в 80-е годы, нищих стало намного больше. Оно и понятно. В Египте произошли большие перемены, не только не ликвидировавшие нищету, но и подтолкнувшие к ней миллионы некогда вполне благополучных граждан. Увы, вот уже который век нищие — привычный атрибут любой каирской улицы.

Однажды на набережной Нила ко мне подошел высокий босоногий подросток. Он долго и бесцеремонно глядел мне в глаза, а потом, решив, видно, что я именно

¹ Нусскырш — подпиастра; кырш — пиастр. — *Здесь и далее примеч. авт.*

тот человек, который ему нужен, потребовал денег. Оглянувшись, я заметил группу его приятелей, с интересом ожидавших конца нашей тягостно-монотонной беседы:

— Дай.

— Нет, не дам.

— Дай.

— Не дам.

— Дай.

Видимо, на моей физиономии была написана такая решимость отстоять свои полпиастра, что проситель заколебался.

— Дай закурить, — сказал он неожиданно миролюбиво. — Дай. — Он помолчал. — Ты богатый, а я бедный. Я сын великого народа. Быть может, я потомок фараона. Просто мне не повезло. Дай сигарету.

Я протянул пачку «Нефертити». Он вытащил две сигареты, церемонно поблагодарил и направился к своим.

— Итнин (Две), — закричал он им еще издали.

Где сейчас этот парень? Вряд ли ему живется лучше. У кого просит он сигареты, кому повествует о своем происхождении?

Запомнил я и еще одного нищего.

Он сидел, привалившись к стене, на тротуаре центральной улицы чистенького Гелиополиса между двумя кинотеатрами — «Паласом» и «Нормандией». Ему было лет пятьдесят. Одна нога ампутирована до бедра, другая — выше колена. Он все время бормотал что-то себе под нос. Когда кто-нибудь проходил мимо, то повышал голос и просил кырши для ветерана Суэцкой войны². Перед ним валялась грязная военная фуражка, в которой всегда в одном и том же положении, будто пришитые, лежали четыре монетки. Много ли успел насобирать он с того времени этих кыршей и нусскыршей? Суэцкая война 1956 года — далекое прошлое. Кому нужны ее ветераны!

Каирские улицы: на мостовой и на тротуаре

Каир жесток? И да, и нет. Он очень разный, этот город — свет, мрак, радость, горе. Здесь найдется место

² Война египтян против тройственной англо-франко-израильской агрессии 1956 г.

всем и всему. Живут тут люди десятков национальностей, говорящие на самых разных языках, молящиеся разным богам.

Каир — большой город, и увидеть его целиком можно только со смотровой площадки Каирской башни. В каждом знаменитом городе есть такая «великая» башня. В Париже — Эйфелева, в Москве — Останкинская... Каирская напоминает вытянутый цветок лотоса. Башня построена в 1961 году. Высота ее 185 метров — приблизительно 60 этажей. Покрытие составлено из 8 миллионов керамических плиток.

Перед входом растет гигантское дерево, обхватить которое могут, взявшись за руки, несколько человек. Со смотровой площадки Каир кажется не таким уж и огромным. На все четыре стороны видны его границы. Когда смотришь на юг, кажется, что под тобой уже не город, а пустыня. Каир сверху почти весь желтый от солнца с небольшими зелеными массивами — в основном в Замалике (центральный район на острове Гезира). Здесь расположены богатые виллы, спортивные площадки, теннисные корты, рестораны и иностранные представительства. Это небольшой рай для тех, кто имеет в банке приличную сумму. Он немного похож на крепость — опоясанный Нилом город в городе.

Центральные кварталы, расположенные на правом берегу Нила, состоят из квадратов, образованных Фуадом и улицами Шерифа, Имад-ад-Дина, Гумхурийи, Абд аль-Халика Сарвата и еще многими другими.

В центре не ходят, а бегают, особенно по главной улице — 26 июля³, которую кондукторы в метро до сих пор называют улицей Фуада. Что ж, к центральным улицам и площадям редко пристают новые названия. Мало кто помнит деяния египетского короля Фуада. А к имени улицы привыкли.

Так вот, по Фуаду не ходят, а бегают. Перейти улицу почти невозможно. Только в начале и в конце ее имеются подобия переходов, ступить на которые пешеходы решаются, лишь сбившись в «штурмовые», движимые единственным желанием попасть на другую сторону отряды.

³ 26 июля 1952 г., спустя три дня после свершения революции, во главе которой стояла организация «Свободные офицеры», было принято решение о высылке из Египта свергнутого короля Фарука. В честь этого события центральная улица города и получила новое название.

Надо ли говорить, что все лучшее в Каире располагается на Фуаде и в ее окрестностях. Фуад — улица длинная. В центре она распадается на две части. Стоит пересечь линию метро, как облик Фуада резко меняется. Вторая половина ее — та, что доходит до Нила, — похожа на первую и пестротой, и шумом, и сутолокой (тут ее даже больше), только здесь все выглядит грязнее и беднее, да и люди улыбаются меньше, смотрят как-то озабоченно и хмуро. Словно Фуад — это две улицы, две сестры, одной из которых выпал счастливый жребий, а другой в жизни повезло меньше.

Впрочем, Фуад не кончается у моста. Улица пересекает мост — также имени 26 июля — и продолжается уже в Замалике. Потом еще один мост, через рукав Нила — Бахр аль-'Амма (мост так и называется Замалик), и дальше на запад. Фуад — самая длинная, идущая в широтном направлении улица Каира.

У моста через Нил небольшой импровизированный рынок (тазы, шарики, пыльные детские игрушки), рядом стоянка автобуса.

О автобус! Манящий и недоступный каирский автобус! Сразу скажу: я ни разу не ездил на нем. Страшно было. Он представляет собой широкую желто-красную колымагу, изрядно помятую, с обязательным провалом вместо заднего стекла. Стекло выбили не просто так, не ради шутки уличные малолетние хулиганы. Дело в том, что заднее окно являет собой наиболее широкое, а следовательно, и самое удобное отверстие для проникновения внутрь этого вида общественного транспорта. Треть пассажиров попадает в автобус именно через заднее окно. Раза два я видел торчавшие оттуда босые или в сандалиях ноги, голова обладателя которых была в толпе среди счастливиц, втиснувшихся в салон. Думаю, нет нужды говорить о том, что люди не только висят в дверях диковинной машины. Когда автобус движется, десяток пассажиров буквально волочится за ним, цепляясь за плечи или ноги более удачливых конкурентов. Равнодушный водитель не обращает ни малейшего внимания на тянущийся по неровному асфальту живой хвост.

Из автобуса никогда и никто не выходит. Все только входят. Это чрезвычайно забавно и немного жутковато. Скандалов внутри, наверное, не бывает: ведь чтобы сказать хоть что-то, требуется набрать воздуха, а это сделать невозможно.

Водители не интересуются пассажирами. Впрочем, мало любопытства вызывает у них и уличное движение. Они всегда едут только прямо, не лавируя и не заботясь о своих соседях — легковых автомобилях. В Каире много дорожных знаков и полицейских. Но как те, так и другие не в силах разобраться в дорожном хаосе. Существует лишь одно неписаное правило, пунктуально соблюдаемое всеми, кто передвигается на четырех колесах: уступи сильнейшему. А сильнейшим единогласно признан автобус. Разумеется, при частых столкновениях (что совершенно неизбежно) его красным бокам тоже достаётся, но страдает он куда меньше своих соперников. От автобуса легковушки разбегаются, как цыплята от коршуна. Почти такой же трепет испытывают они и перед «газиком».

Если автобус считается королем каирских улиц, «газик» — ее принцем, то на титул принцессы в те годы претендовала двадцать первая модель «Волги». Крепость ее корпуса была хорошо известна местным шоферам, и они ревниво оберегали от этой устаревшей формы машины свои «фиаты», «фольксвагены», «мерседесы».

Хуже всех приходилось обладателям дорогих американских машин. Неповоротливые на сравнительно узких каирских улицах, эти лимузины становились объектом шантажа юрких малолитражек, водители которых нередко из гордости отказывались пропускать вперед кичившихся своей бессмысленной мощью красавцев.

Неторопливо ползали вдоль улиц такси, вопрошающе останавливались у замечтавшихся прохожих. Предложение явно превышало спрос. Черно-белые египетские «рамзесы», изготовленные с помощью все того же «Фиата», «мерседесы», «фиаты». Однажды попался «москвич».

Думаете, здешние шоферы разговорчивы и общительны, как все люди? Ничуть не бывало! Во всяком случае, каирские таксисты куда молчаливее своих московских коллег.

Лишь однажды мне попался общительный водитель. Узнав, что я русский, он немедленно вступил со мной в беседу о политике.

— Ты считаешь, что все хорошо? Что все остается по-прежнему? Неужели кто-то еще верит Садату?

Я молчал, обдумывая, что сказать, когда представится возможность.

— Наплачутся с ним еще. Он...

Далее последовала длинная тирада, которую мне

удалось запомнить и воспроизвести знакомому арабисту. Тот лишь развел руками.

Шофер не унимался:

— Он же амрики (американец). Воистину, он амрики, он еще совершит зло на нашей земле. — Таксист перешел на патетический тон. — Он мунафик (лицемер).

Сейчас, спустя более чем десятилетие, когда слова каирского таксиста так печально подтвердились, невольно задумываешься о той прозорливости, которой обладают порой люди, достаточно далекие от политики, но социальным инстинктом постигающие ее суть. Тот шофер не был одинок. Тогда, в 1972, очень многие египтяне предчувствовали наступление в своей стране неслыханных перемен.

Увлеченный разговором с таксистом, я не заметил, как мы выехали на набережную.

— Тебе куда? — спросил водитель.

— Мне? Мне к Нилу.

— Зачем? — пожал он плечами.

— Да так, полюбоваться...

Нил

Нил, как известно, река очень длинная (вторая в мире по длине после Амазонки). Выйдя на набережную после невероятной сутолоки пяти-, теперь четырнадцатимиллионного города, хочется неотрывно смотреть на плавное течение реки. Отдыхаешь, набираешься сил, прежде чем вернуться обратно на суетные крикливые улицы. Каиру повезло, что у него есть Нил. Каир задохнулся бы без Нила. Но и Нилу выпала удача: на его берегах расположился сам Каир. Берега то одеты серым камнем, то сбегают к воде, и так странно ощущать под ногами мягкую землю на городской набережной.

Нил прекрасен. Прекрасен покоем, величавостью. Может быть, величавость вод Нила повлияла на то, что еще древние египтяне, а позже и греки, и римляне, почитали его как божество. Он прекрасен, когда отражает бесподобно голубое небо, когда ласкает рыбацьи лодки и речные трамвайчики.

Бывают на Ниле штормы. Он гневается — тогда проседь появляется в его волнах, шарахаются к берегу лодочки, брызги залетают на берег. Но вот порывы ветра улеглись, и все опять по-прежнему.

«Что за чудна вода в Ниле! Чистая, светлая, совсем мягкая и очень приятная на вкус, — написал русский путешественник Е. Э. Картавцов, побывавший в этих краях в 1891 году, и, не удержавшись, добавил: — Хорошая река».

Увы, чистота Нила осталась в прошлом. Заманчиво было хоть чуть-чуть поплавать в водах великой реки. Но после того как на моих глазах буро-синие воды пронесли дохлого осла, пару крыс и еще несколько малоприятных предметов — дело происходило в ближайших окрестностях города после крупного шторма, — желание искупаться в Ниле пропало.

Однажды я спросил знакомого египтянина, есть ли в Ниле крокодилы. Он реагировал точно так же, как ответил бы коренной москвич на просьбу иностранного гостя немедленно показать ему белого или, на худой конец, бурого медведя. Шенди (так звали моего собеседника) сначала пристально взглянул мне в глаза, затем покрутил пальцем у виска, а потом посоветовал постоять и подождать какого-нибудь заваливающего крокодила и в случае удачи обязательно позвать его, Шенди, посмотреть на такую редкость.

Тысячу лет назад, когда армия Джаухара вышла на левый берег Нила, ни один воин не отваживался войти в кишевшую крокодилами воду. Знаменитый путешественник Насир-и Хосроу повествует, что, предвидя эту ситуацию, фатимидский халиф аль-Муизз пообещал своим солдатам, что на берегу их встретит черная собака и покажет относительно безопасный брод. И, говорят, собака действительно пришла...

За Каиром Нил распадается на сотни мелких рукавов. Почти на 300 километров протянулась дельта Нила при впадении его вод в Средиземное море.

Особенно хорош бывал Нил в вечернее или ночное время летом: черен и тих, веяло от него прохладой. Горели желтые фонари на улицах. Уютно и спокойно. Длинный ряд пустых каменных столиков, тянувшихся вдоль широкого нильского рукава Бахр-аль-'Амма, такие же стулья. Белая фарфоровая чашечка кофе. Кафе «Клеопатра». Наклонись, протяни руку, и пальцы коснутся теплой воды. Это тоже Каир, уставший, стерший дневную пыль и пот. Каир, который пришел, чтобы отведать свой любимый черный напиток, подумать о настоящем, вспомнить о прошлом.

Немного истории

Фатимиды утвердились в Египте в 969 году. В этом же году берберские войска под командованием Джаухара-ас-Сикима вступили в Фустат и к северу от него основали новый город — Аль-Кахира. Дело это было непростое. Джаухар повелел обнести место, на котором предполагали строить город, колышками, а между ними натянуть бечевку. На колышках развесили колокольчики. Почтенные астрономы уставились в небо, ожидая благоприятного расположения звезд. Заметив такое расположение, они должны были дернуть за веревочку. Тогда колокольчики зазвонили бы и... строительство города началось. Случилось все иначе: на один из колышков сел ворон, и колокольчики зазвонили раньше времени. Ученые мужи ахнули, ибо над будущим городом вставала красноватая, приносящая беды звезда — аль-Кахира — Марс. Звездочеты пытались уговорить Джаухара отказаться от рискованного, по их мнению, предприятия. Но тот заупрямился и отдал приказ о начале строительства города по имени аль-Кахира. (Среди предрекаемых Каиру несчастий называлось, в частности, его завоевание турками.) Так и основали столицу государства, границы которого на востоке проходили по северу современной Сирии, а на западе омывались Атлантическим океаном.

Более других известен среди Фатимидов Хаким, шестой халиф. И немудрено. Не каждый даже тысячу лет назад отважился бы объявить себя богом. Хаким посмел. Живой бог правил Египтом с 996 по 1021 год. Прославился он своими многочисленными указами, направленными против неверных: назначил для них специальные банные дни, на иудеев повесил колокольчики... Он повелел христианам носить на голове только синие, а иудеям — только желтые тюрбаны. Хаким издал указ, запрещающий женщинам появляться на улице. Указ действовал в течение семи лет. Кончил Хаким свое царствование тоже необычно — не погиб, не умер, а исчез.

Хаким много строил. Построил, например, мечеть Хакима (строительство закончено было в 1003 году). Она красива, хотя и тяжеловата. Днем мечеть незаметна, но наступает вечер, и под каирским небом встает жезл таинственно исчезнувшего повелителя. Минарет напоминает огромный вытянутый колокол, готовый вот-вот зазвонить и разбудить город, чтобы напомнить о

грозном владыке. Мечеть опоясывают шершавые с круглыми зубцами крепостные стены.

При Фатимидах был положен первый камень в основание знаменитого мусульманского университета аль-Азхара. Одноименная мечеть, вокруг которой впоследствии собирались крупнейшие богословские силы ислама, была построена в 972 году. Город укреплялся. Строились стены, башни. С 1087 по 1091 год были завершены городские укрепления, город опоясался высокими стенами — сначала одной, потом второй. Стены имели несколько ворот, из них до нас дошли только Баб ан-Наср и Баб аль-Футух — с северной и Баб аз-Зувайла с южной стороны.

Фатимиды правили Египтом до 1171 года. Их сменила династия Айюбидов, к которой принадлежал легендарный полководец средневековья Салах ад-Дунья ва ад-Дин Юсуф ибн Айюб, известный в Европе под именем Саладина. Правление Саладина в Каире было отмечено строительством цитадели, ставшей впоследствии наряду с пирамидами символом города. Цитадель строилась долго — целых тридцать лет. На стройке работали захваченные в плен европейцы, согнанные из окрестных деревень крестьяне. Были разобраны небольшие пирамиды в Гизе. Цитадель, испытавшая на себе влияние архитектурных принципов, с которыми мусульман «познакомили» крестоносцы, стала первоклассным оборонительным сооружением своего времени. Она могла выдержать долговременную осаду. За ее стенами отсиживались правители Египта почти до XX столетия. Саладин мечтал о реконструкции города. Он построил длинные стены, протянувшиеся от Нила до старой, воздвигнутой Фатимидами стены.

Когда глядишь на цитадель, стоя у ее основания — будь то с западной, будь то с восточной стороны, поражаешься величию и прочности ее стен и полукруглых бастионов. Она и сейчас, в век танков и атомных бомбардировщиков, кажется неприступной. С какими же мыслями взирали на нее современники Саладина?

Каирцы боялись цитадели и сложили про нее страшную легенду, будто приносит она городу несчастья. По ночам на холмах Мукаттама, на стенах появлялась нечеловеческой величины тень одного из фараонов, чья могильная пирамида была разрушена. Фараон слал проклятия осквернителям его усыпальницы. Жуткий голос его доносился до Нила. И о ужас! Всякий раз после

появления тени город захлестывали беды, главными из которых были голод и эпидемии.

Несчастья проходили, а Каир оставался. Он рос, расширялся. По свидетельству итальянского путешественника Фрескобальди, в 1384 году в нем проживало в семь раз больше жителей, чем в Париже. Другой путешественник, Томас Фостер, обратил внимание на плодovitость каирских матерей, рожавших постоянно двойни и тройни.

На смену Айюбидам пришли тюркские мамлюки, просидевшие в городе с 1250 по 1390-е годы. При мамлюкском султানে Хасане были сооружены знаменитая мечеть и медресе, где часто укрывались противники центральной власти. Мечеть стояла напротив цитадели, словно бросая ей вызов. Она была настолько прекрасна, что Хасан приказал отрубить руку архитектору, чтобы он уже не мог создавать подобные шедевры. Своей высотой, внушительностью мечеть вполне сопоставима с цитаделью, но ее минареты придают всему зданию особую легкость и стройность. Вызывают восхищение двери мечети, покрытые затейливым орнаментом, от которого трудно оторвать взгляд.

С 1390-х годов и до начала XVI века правила династия Бурджи, а в 1517 году, в соответствии с печальными предсказаниями астрологов, город захватили турки. Началась бесконечная борьба за власть. С 1517 по 1798 год в Каире сменилось 183 турецких паши.

В конце XVIII—начале XIX столетия каирцы «познакомились» с первыми европейскими завоевателями. Сначала экспедиция Наполеона, потом англичане... Египет, а вместе с ним его столица вступили в период новой истории. Каир менялся. Рушились многовековые привычки, осыпались стены старых домов, строились новые, по европейскому образцу. При Наполеоне исчезли ворота между кварталами. Великий египетский реформатор Мухаммед Али (1805—1849) впервые в истории страны использовал европейского образца четырехколесные повозки, сменившие восточные паланкины. В 1856 году появился железнодорожный вокзал. В 1899 году был пущен первый трамвай — уж не его ли видел я в первый свой визит в город?

Каир все более «европеизировался». И в то же время удивительным образом сохранял свой традиционный облик.

Мечети

Каир называют городом тысячи мечетей. Так оно и есть.

Входить в мечеть немусульманину не рекомендуется. Присутствие постороннего раздражает мусульман, отвлекает их от молитвы. Но вечером, когда в мечети мало молящихся, можно осторожно заглянуть и увидеть запретный для «неверных» мир. Стены мечети, в которую я зашел, были окрашены в зеленый цвет, кое-где облупились, осыпалась штукатурка. Перед дверью слева и справа прямо в стене небольшие каменные ванны для омовения ног, вода вытекает из крана тонкой желтоватой стружкой.

Пол был покрыт желтым ковром, из-под которого у самого входа вылезали наружу шершавые стертые камни. Поверх большого ковра — маленькие коврики или циновки.

Это саджады, расположившись на которых мусульманин может молиться. Саджада — обязательный атрибут того, кто принял решение помолиться Аллаху. Слово это происходит от арабского глагола «саджада» — кланяться, падать ниц. Отсюда и «масджид» — мечеть, то есть место совершения поклонений.

В конце мечети — минбар, кафедра, с которой имам руководит главной для мусульман пятничной молитвой.

Мужчины молятся сосредоточенно. О чем думают они, обращаясь к Аллаху? Я не рискнул пройти вглубь, да это было просто невозможно, ибо люди в мечети не бродят, а сразу пристраиваются на саджаде. Появление фигуры в полный рост невольно привлекает всеобщее внимание, а этого мне хотелось меньше всего.

Каирские мечети... Они строились на протяжении веков. У каждой своя история, своя легенда. Чем старше мечеть, тем больше связано с ней событий, человеческих жизней. Мечеть аль-Азхар — высокая, стройная, солнечного цвета. Она удивительно легка. На фоне яркого неба виден каждый ее узор. Пропорционален минарет, увенчанный вытянутой луковкой. Сколько учеников аль-Азхара любовались ее красотой! А может быть, у них не хватало времени поднять голову? Сидели они во дворе аль-Азхара, наизусть учили Коран, пытались понять с его помощью смысл жизни. Менялись переплеты, учителя, толкования, но по-прежнему приходят сюда те, кто мечтает с помощью ислама постигнуть мир.

И сейчас можно увидеть их, покорно склоняющихся над священной книгой, в которой, кажется, сказано все: и про то, что открытый наукой микроб — просто джинн и что первым побывал в космосе пророк Мухаммед; можно найти в Коране и истоки социализма, и правду о ядерном оружии. Все, все можно найти в Коране — стоит только поглубже вчитаться в его вязь.

Много ли молящихся в мечетях? Много. Особенно в пятницу. Мусульманин приходит сюда не только молиться. Для него совместная молитва — это своеобразная форма общения со знакомыми, с друзьями. Здесь он узнает местные новости, слушает проповедников, дающих религиозное толкование событиям в Египте, во всем мире.

Не будет преувеличением сказать, что в Каире, впрочем как и на всем мусульманском Востоке, мечеть представляет собой своего рода политический клуб.

Мечеть в районе ад-Дукки. Жаркая сентябрьская пятница. Мечеть не может вместить всех молящихся. Опоздавшие пристраиваются прямо на улице; подходит босой, в рваных солдатских штанах человек, расстилает циновку — она у него вместо саждады, — садится.

Рядом останавливается «шевроле», из которого выходит шофер в картузе, открывает багажник, выносит несомненно ручной работы ковер, расстилает его, открывает дверцу машины, оттуда вываливается толстяк в черном костюме; он стаскивает мокасины, разваливается на ковре, касаясь босоногого соседа. Они молятся. Потом расходятся. Никто не стал богаче, никто не стал беднее. Но один словно подал милостыню, а другой словно получил ее.

Обойти все знаменитые мечети невозможно. Расскажу лишь еще об одной, самой одинокой. Между Каиром и Гелиополисом, прямо посреди шоссе стоит красивое здание, сбоку — минарет, расширяющийся в верхней своей части четырехугольной воронкой. Добраться до этой мечети непросто. Метро проходит сравнительно далеко, автобусы здесь не останавливаются. Да и незачем: домов поблизости нет, вокруг раскинулся сплошной неуютный пустырь.

С северной стороны мечети, той, что обращена к виднеющемуся вдали Каиру, — аркада. В центре аркады саркофаг, уложенный белыми и красными розами. Здесь покоится Гамаль Абдель Насер.

Каирцы о политике

— Его «доконал» «черный сентябрь»⁴, — сказал однажды Шенди.

Смерть Насера в сентябре 1970 года потрясла тогда многих.

— Плакал весь Каир, — это тоже слова египтянина, кстати говоря, не особенно довольного прежней властью.

Кто сейчас может сказать, что творилось в душе Насера, страстно мечтавшего об арабском единстве, всеми силами боровшегося за его осуществление? Его сердце получило смертельный ожог от багрового пламени иордано-палестинского конфликта. А он был очень впечатлительным человеком.

В пустынной прохладной аркаде, в центре которой помещается саркофаг, двое часовых почетного караула — почти дети — резвились, покалывая друг друга острыми пиками, с которыми они должны были стоять на посту. Завидя меня, они с трудом успокоились и заняли свои места, поминутно переглядываясь и фыркая. Им не терпелось спровадить иностранца, невесть для чего сюда забредшего. Испытывая их терпение, я немного постоял около саркофага, а потом не спеша пошел дальше по аркаде.

Каир плакал. А потом похоронили Насера вдали от шумных улиц, на которых прошла жизнь великого египтянина. Новые правители все быстрее и быстрее забирали вправо. Казалось, Садат торопился, боясь, что люди успеют разобраться в сути его политических манипуляций. Вряд ли кто-нибудь мог предсказать в 1972 году, что Садат пойдет на унижительный мир с Израилем, совершив кощунственную для мусульман поездку в оккупированный Иерусалим. Садат маневрировал. Он пытался использовать в своих интересах идею арабского единства. В октябре страну посетили лидер Ливии Муаммар Каддафи и сирийский президент Хафез аль-Асад. В мечети Насера состоялась совместная молитва трех глав государств.

Садат исподволь пытался посеять недоверие к Советскому Союзу, к оказываемой нашей страной помощи Египту. Ему вторили газеты, радио, телевидение. Все

⁴ В сентябре 1970 г. в Иордании произошли кровавые братоубийственные столкновения между палестинцами и частями иорданской армии.

чаще проскальзывали выпады против СССР в передовицах «Аль-Ахрам», выходивших под рубрикой «Бис-сарраха» (откровенно), в материалах второй крупнейшей газеты — «Аль-Ахбар» (особенно ее главного редактора Ихсана Абд аль-Куддуса).

По-разному реагировали на эти процессы египтяне. Одни не скрывали своего страха перед будущим, опасаясь за боеспособность армии.

Были и другие. Однажды за нами увязалась толпа подростков лет четырнадцати-пятнадцати. Они кривлялись и громко выкрикивали антисоветские лозунги. Когда же мы остановились и направились в их сторону, хулиганов как ветром сдуло. А буквально на следующий день произошел такой случай. Я никак не мог перебраться через шоссе в эль-Матарю — главный аэропорт Каира. Видя безуспешность моих попыток, стоявший неподалеку полицейский остановил поток машин и любезно пригласил меня перейти дорогу. «Русский, очень хорошо», — произнес он на русском языке и приложил руку к фуражке.

Сложным был этот 1972 год.

Каир все время ждал каких-то событий. Перед дверьми домов на главных улицах Гелиополиса стояли в человеческий рост бетонные стенки. «На случай артобстрела», — пояснил толстый бавваб (привратник), стоявший возле высоких с узорами дверей.

В один из августовских дней я сидел в кофейне на улице аль-Ахрам и прислушивался к приемнику. Каждые десять минут оттуда доносился строгий голос: «Через несколько минут слушайте важное правительственное сообщение». Так продолжалось часа два. Я успел выпить четыре чашечки кофе, а приемник все томил ожиданием.

Обратившись ко мне, единственному в дневное время посетителю, хозяин кофейни сквозь зевоту изрек:

— Мумкин харб (Может быть, война).

— Мумкин, — кивнул я.

Радио сообщило не о начале войны. Передали заявление об объединении Египта и Ливии в одно государство. Хозяин не удивился.

— Мумкин вахда (Может, и единство), — отреагировал он. — Куллю мумкин (Все возможно).

Интересно, что сказал этот флегматик спустя пять лет о поездке Садата в Иерусалим?

Иначе прокомментировал событие дядя Салех, с ко-

торым меня познакомил его племянник Мухаммед, изучавший в каирском университете русский язык. Сидя на низеньком в цветочках диванчике с кривыми ножками в своей крошечной гостиной, Салех, улыбаясь, излагал свою точку зрения на последние новости:

— Наш хитрый президент задумал прикарманить ливийские денюжки. Он думает, что молодых ливийцев легко обвести вокруг пальца. Анвар не прав.

Беседа происходила в последние дни рамадана в вечерний час, когда мусульманский Каир с вожделием ждал захода солнца и — после обязательной молитвы — долгожданной обильной трапезы (христиан, как и всех прочих немусульман, пост не касался).

Не в меру разговорчивый Мухаммед доверительно сообщил мне, что Салех когда-то был членом Ассоциации братьев-мусульман — организации мусульманских фанатиков, активно выступавших против президента Насера и организовавших на него ряд покушений, а в 1954 году даже угодил в тюрьму. Видимо, возраст стер с Салеха налет фанатизма, и он позволил себе отпустить шутку насчет голодного живота правоверных мусульман. По всей вероятности, бывший брат-мусульманин списал свои юношеские увлечения на ошибки молодости. Во всяком случае, о Насере он отзывался с большим и искренним почтением.

Салех прервал разговор, поднялся и вышел из комнаты, за ним — Мухаммед. Через неплотно закрытую дверь я видел, как они расстилали свои саджады. Настало время молитвы. Потом мы ели сладкий банановый мусс и бисквиты и слушали, как Мухаммед с необыкновенной важностью доказывал, что русский язык намного труднее арабского. При этом он обращался ко мне, а потом торжественно переводил свою речь на арабский язык дяде Салеху.

Вечер

За окном стемнело. Горела маленькая настольная лампа с розовым, прожженным в нескольких местах абажуром. Соседи Салеха завели пластинку с длинной неторопливой песней Умм Кульсум⁵. Салех замолчал. Пора было расходиться.

⁵ Самая популярная в арабском мире певица. Скончалась в 1976 г.

Я спустился по чистой, пахнущей сыростью лестнице и утонул в темноте стиснутого высокими домами переулка. Переулок кончился внезапно, за ним началась кривая улица с мелкими лавчонками, из которых доносились пронзительные голоса выпавшихся за день торговцев. Перед входом в каждую лавочку или внутри ее горела электрическая либо керосиновая лампа. Таков закон, введенный еще в XV веке одним султаном: торговцы обязаны с наступлением темноты освещать лавку. Тот же султан распорядился, чтобы торговцы держали в лавках глиняные кувшины с водой на случай пожара.

— Алям русас маше би кырш вахид. Кырш вахид я'ни баляш (Простой карандаш за один кырш. Один кырш это ничто), — распевал высокий рыжеватый парень в полосатой галабийе.

Он пристально всматривался в вечерний мрак, напрасно надеясь, что оттуда вот-вот вынырнет привлеченный фантастической дешевизной карандаша состоятельный покупатель. Он кричал до того зазывно, что покупатель не выдержал. Я купил «русас» с ластиком и сразу же пожалел о содеянном: из темноты, помахивая щеткой, на меня выдвигался чистильщик ботинок. Я сделал шаг назад — «противник» наступал. Тогда я повернулся и быстро ретировался.

В конце переулка — яркий свет. Еще несколько минут, и я в центре Каира. Огромная толпа. Все куда-то спешат, все веселы и счастливы. Не видно нищих. На них просто никто не обратит внимания, и они притаились где-то рядом в переулках. Куда же так торопятся кайрцы? Ведь все рядом — кинотеатры, рестораны, кофейни, магазины. Наверное, во всех больших городах мира в этот вечерний час одно и то же. Там живут деловые, очень деловые люди. И они привыкли спешить. Даже за удовольствиями.

Приятно пройтись по ярким праздничным улицам вечернего Каира раз, другой, а потом начинаешь уставать от людской сутолоки, толкотни прохожих. И уже не Каир перед тобой, а театральная декорация, аляповато и пышно разрисованная множеством сувенирных лавок с пестрыми подушками, блестящей чеканкой, игрушками, яркими сувенирами. А на всем этом пирамиды, верблюды, Нефертити, похожие на оригинал так же, как плюшевый мишка на своего лесного тезку; стерегущие посеребренные пепельницы-сфинксы и опять пирамиды, пирамиды...

Ближе к ночи улетучиваются каирские запахи. Словно перестает дуть приносящий их сказочный восточный ветер. По улицам гуляет прохладный приятный сквознячок, сгоняющий сон с поздних прохожих. Над городом плывет яркая луна. Вечером ее не видно. То ли восточную красавицу пугает обилие света, то ли просто пока не пришло ее время. А ночью она царствует над небом, над землей.

Спят каирские улицы. Спят все, кроме одной. Та, что бодрствует, зовется аль-Гиза. Знаменитая улица, ведущая к знаменитым пирамидам. Аль-Гиза веселится. Десяток расположенных на ней ночных клубов сверкает огнями, зовет к себе посетителей. В них нет недостатка. Состоятельные каирцы, богатые туристы, «золотая молодежь», почтенные чиновники — все, чей доход исчисляется тысячами фунтов, устремляются на ночную аль-Гизу. Изысканные кушанья, восточные танцы, ласкающая слух музыка. Гиза — островок огней в потухшем Каире. Неподалеку от нее теплится жизнь лишь в нескольких табачных ларьках. Заспанный торговец машинально протянет пачку сигарет.

Большинству граждан Каира за всю свою жизнь так и не удается хоть разок посетить ресторан, бар или варьете аль-Гизы. Может быть, поэтому все, что происходит здесь, связано с какой-то запретной тайной. В аль-Гизе нет места исламу. Там нарушаются все запреты, и первый из них — запрет на потребление спиртного. Пьяные тупо глядят на посетителей оловянными глазами. Пожалуй, нигде больше на севере Африки не видел я такого количества пьяных.

У подножия пирамид

От аль-гизского «шабаша» до пирамид и Сфинкса минут десять езды на такси. Дорога слабо освещена тусклыми фонарями. Редкие дома, редкие фары встречаемых автомобилей. Внезапно дорога стала петлять. Машина остановилась.

— Халас, — объявил таксист. — Все.

Я вылез из автомобиля, и меня тотчас же обступили люди, наперебой предлагавшие услуги, требовавшие, умолявшие. Из мрака бежали опоздавшие. Растерявшись от натиска просителей, старавшихся перекричать

друг друга, я выбрал одного из них — старика в черном головном платке — и задал ему самый умный из пришедших мне в голову вопросов:

— Аиз ы? (Что хочешь?)

«Счастливчик» выступил вперед и с расстановкой на приличном английском языке ответил:

— Мистер должен посмотреть пирамиды и Сфинкса. Я покажу мистеру самое интересное.

Он оглянулся, конкуренты разбрелись. Одни устравивались дремать среди камней, другие слонялись по пустой стоянке автомобилей.

Наступила тишина. Я поднял глаза и увидел пирамиды. Точнее, пирамиду. Самую большую из знаменитых египетских пирамид — пирамиду Хеопса, которая начиналась в нескольких метрах от меня. Тут же вышлась другая, чуть-чуть пониже Хеопсовой, а из темноты выдвигалась третья, сравнительно маленькая. Сказать, что воздвигнутая в III тысячелетии до н. э. пирамида Хеопса велика — значит ничего не сказать. Она уходила вверх и упиралась в темное небо. Она казалась бесконечной. 233 метра — длина стороны ее основания, следовательно, весь периметр составляет почти километр. Пирамида сложена из двух миллионов трехсот тысяч известняковых блоков, каждый из которых весит две с половиной тонны. Камни поднимаются лесенкой, и при желании можно, хоть и с трудом, добраться до самого верха пирамиды. Карабкаться на пирамиду — дело сложное и опасное. «Знатоки» говорят, что подниматься следует только вдоль ее ребер. Кстати, забраться возможно лишь на пирамиду Хеопса. Верхушка пирамиды Хефрена покрыта уцелевшей еще с древних времен гладкой гранитной облицовкой. Раньше отчаянных туристов «поднимали» целые бригады гидов: один тянул, другой подталкивал, третий страховал. Еще живут легенды о том, как в старые времена разбойники-гиды, добравшись до вершины, шантажировали малоопытных смельчаков, вымогали дополнительный бакшиш, а иногда и оставляли их одних, беспомощных, на раскаленных камнях в поднебесье. Кое-кто из любителей острых ощущений разбивался.

В XIX веке один из египетских хедивов (правителей) издал указ, по которому забота об охране путешественников возлагалась на жителей стоявшей у подножия пирамиды деревушки. Причем если путешественник погибал, то деревенского омду (старосту) казнили. При-

Близительно в то же время возле пирамид был впервые поставлен специальный полицейский пост.

Я спросил у гида, можно ли подняться на пирамиду. Не сейчас, разумеется, а как-нибудь днем. То ли старик не понял вопроса, то ли ему хотелось ни в чем не отказывать своей неожиданной ночной добыче, но он кивнул головой:

— Мумкин, мистер, куллю мумкин. (Возможно, все возможно).

О, это великолепное каирское «мумкин, куллю мумкин». Такое впечатление, что, с точки зрения каирцев, на свете вообще нет ничего невозможного.

Гид водил меня вдоль высоких камней у основания пирамиды Хеопса и скрипучим голосом говорил о том, как несчастные рабы строили эту великолепную усыпальницу. Мне была обещана демонстрация таинственного входа внутрь пирамиды, никому до сей поры не известного. За это он просил фунт.

Старик потащил меня к пирамиде Хеопса. Мы вскарабкались по двум ярусам камней, которые вблизи оказались в половину человеческого роста, и потом он втолкнул меня в узкий коридор. Мы прошли не больше десятка метров и остановились перед железной решеткой с новеньким замком. Провожатый потрогал замок, пробормотал под нос какое-то заклинание, потом тихо выругался (это я понял) и на секунду замолчал.

— Да, эту дверь уже нашли. Но есть еще одна, самая таинственная дверь...

Ему, видимо, очень был нужен фунт. Он чуть ли не силой потащил меня по камням, и мы спустились к подножию пирамиды. Гид вновь быстро-быстро заговорил и потянул меня в сторону.

Я прекрасно понимал, что эту таинственную, неведомую никому дверь он показывает всем своим клиентам, но согласился, ибо окончательно понял, что ему уже не объяснить, чего я хочу на самом деле — я хотел, чтобы меня случайно не бросило такси.

Гид повел меня вниз по дороге вдоль самой древней пирамиды — Хефрена. Сзади послышался шум мотора. Вспыхнули фары, на площадке остановилась машина — еще один любитель ночных прогулок решил осмотреть великие исторические памятники. Гид засуетился, замахал руками, пробормотал, что обязательно встретит меня на обратном пути, и убежал за новой жертвой. На прощание он бросил:

— Там дальше интересно, там Абу аль-Хауль-Сфинкс.

Удивительно, но старик не спросил о деньгах. Видимо, был уверен, что деться мне все равно некуда, и мы так или иначе встретимся у машины.

Я постоял немного на дороге и не спеша направился вниз к Абу аль-Хаулю.

Сфинкс лежал посреди песка и нагромождений камней. Когда-то он был весь в песке, видна была лишь голова. Я сделал несколько шагов вперед, поднял голову и замер. Сфинкс будто придвинулся. Он смотрел куда-то мимо меня. Гривастая массивная голова, пронзительный взгляд. Темнота скрыла раны, нанесенные Сфинксу в начале XIX века турецкими мамлюками, перед боем с французами пристреливавшими по нему свои пушки. Сфинксу отстрелили часть носа и правой щеки. Рассмотреть лицо подробно было невозможно, но от посадки головы исходил такой покой, такая уверенность в себе, такая сила... Он наверняка умеет говорить. Сфинкс не зверь — он слишком мудр для зверя. Но и не человек — для этого он слишком спокоен и отрешен от всего земного. Каким талантом обладал тот, кто сделал Сфинкса!

Мне стало жутко. Ночь, кругом никого, кроме странного существа, грозно глядящего вдаль. Я попятился и сначала медленно, а потом все быстрее пошел обратно.

Гид нетерпеливо топтался возле такси. Или у старика ничего не получилось с приехавшим туристом, или его опередили более удачливые конкуренты, а может, ему просто захотелось получить с меня лишний бакшиш. Он вдруг горестно заговорил о своей жизни.

Начал, впрочем, с нового предложения показать «таинственный вход» в пирамиду. После моего отказа его прорвало. Говорил на дивной смеси английского и классического арабского с египетским диалектом, вставляя в свою речь французские и итальянские слова.

Ему шестьдесят два (на вид все восемьдесят), и сколько помнит себя, он при пирамидах. Образование — умеет читать и писать. Семья большая, старший сын уехал в Александрию, устроился в порту, остальные шестеро без работы или еще мальчики, ему помогают мало. Он единственный кормилец. Вот только младший иногда его подменяет, когда уж совсем невмоготу. Зимой здесь ох как холодно. Он и его друзья разводят костры. Раньше он ночью не работал, а сейчас конку-

рентов много, цены растут, ночью порой можно заработать больше, чем днем (намек в мой адрес). У младшего свои трудности. Выглядит он несерьезно, ему не верят, стариков слушают охотнее. А сын-то пирамиды знает лучше. Хотя сам он пирамиды знает лучше всех.

— Так пойдем посмотреть таинственный ход? Внутри пирамид интересно, там, говорят, где-то есть еще не тронутые камеры, в них золото.

Он затянулся сигаретой.

— Мистер — русский. Русских здесь много бывает. На автобусах приезжают. Ходят всегда все вместе. Дружный народ.

Гид говорил, а вокруг нас постепенно собиралась толпа. Настало время рассчитываться.

— Сколько? — спросил я и полез за деньгами. Старик поморщился и назвал жуткую сумму. Я переспросил. Он немного сбавил цену. Предстоял торг. Кольцо вокруг нас сжималось. Наиболее решительные уже требовали бакшиша. К машине, стоявшей в нескольких шагах, пришлось протискиваться. Народ так плотно окружил нас и такси, что дверца не открывалась. Я дал gidу два фунта. Он просил в три раза больше, но обрадовался тому, что получил. Увидя деньги, все прочие gidы, просто нищие стали наступать еще энергичнее. Спас меня невесть откуда появившийся полицейский. Он мгновенно разогнал толпу. Старик шепнул, что ему предлагается «руб'гини» (четверть фунта). Получив искомую сумму, полицейский исчез.

Если жизнь у пирамид такая оживленная ночью, можете себе представить, что творится там днем. Gиды, нищие, полицейские, ослы, верблюды, кони. Крик, шум, сутолока. Достаточно бросить взгляд в сторону погонщиков, и к вашим услугам и отмытый мул, и стройный верблюд, и конь в узорчатой сбруе. Выбор на все вкусы. Если гость проявит хоть чуточку колебания, не миновать ему поездки на одном из милых послушных животных. В погоне за клиентами между погонщиками идет острая борьба. Вот из-за француза поссорились владелец мула и хозяин верблюда. Пока они пререкались, раздался победный крик третьего погонщика:

— Иль хавага да бта'и (Это мой европеец)! — и француза прокатили на коне с посеребрянной уздечкой.

Днем пирамиды кажутся еще выше. Особенно пирамида Хеопса высотой добрых полтора метра. У подножия лежат груды битых камней. Эти камни якобы

специально по ночам доставлялись сюда, чтобы туристы не растащили сами пирамиды. Некоторые из туристов все же, чтобы не быть обманутыми, не собирали камни у подножия пирамид, а откалывали небольшие кусочки от глыб в основании.

Сфинкс днем спит. Никакой тайны во взоре. Его большая голова при ярком голубом небе не производит особого впечатления. Глаза у Сфинкса немного подслеповаты.

Прямо за пирамидами начинается Сахара. Она тянется на юг, стискивая узкую полосу Нила, уходит на запад и через пять тысяч километров обрывается у Атлантики. У пирамид чувствуешь ее безграничность. Из глубины Сахары дует жаркий, обжигающий ветер. Никогда больше я не ощущал пустыню столь отчетливо, как здесь, на самом ее краю.

Жарко, очень жарко на пирамидах. Жарче лишь в раскалившейся от часового стояния под солнцем машине. Там сущее пекло. Да еще мухи. На улице их нет, а вот в автомобиле сколько угодно. Стоит машине набрать скорость, они исчезают.

Даже Нил не дает Каиру желанной прохлады. Нагретые дома источают жар. Очень мало мест, где можно хоть немного отдохнуть от всепроникающего солнца. Но все-таки такие места существуют. Одно из них — каирский зоопарк.

Хотя зоопарк невелик, его коллекция животных считается второй в мире после ганноверского. Находится он в самом начале Гизы, неподалеку от Каирского университета. В зоопарк каирцы ходят по выходным дням целыми семьями, усаживаются среди эвкалиптов и бесцеремонно разгуливающих павлинов на примятую траву, достают захваченные из дому припасы, едят и наслаждаются покоем.

Если людям в зоопарке вольготно, то этого нельзя сказать о многих животных, с трудом переносящих суровый африканский климат. Прежде всего это относится к медведям. В зоопарке их несколько. Бурые выглядят жалко и нелепо в своих меховых шубах. Но больше всех страдает белый медведь, уныло лежащий на бетоне и, наверное, с грустью вспоминаящий снежную Арктику. Спасает мишек сердобольный служитель, поливающий их холодной водой из шланга. Медведи становятся на задние лапы и подставляют струям животы.

В зоопарке мне удалось взглянуть на знаменитых нильских крокодилов, вернее сказать, крокодила. Ленивый, ко всему равнодушный, плавает он в одиночестве в большом бассейне, представляющем часть специального отсека, посвященного рептилиям.

— Сколько крокодилов в зоопарке? — спрашиваю я у служителя.

В ответ он только качает головой.

— Пять? Десять? — упорствую я в своем любопытстве.

— Мумкин, 'ашара (Может, десять), — последовал традиционный ответ, — куллю мумкин, мистер.

«Мистер» отправился дальше. В дальнем конце зоопарка катается верхом на слоне детвора. Визг, смех. Из большой корзины на спине гиганта выглядывают восторженные физиономии. К слону выстроилась целая очередь. Мальчишки неохотно вылезают из корзины, просят покатать еще. Все это напоминает катание на пони в Московском зоопарке.

Неподалеку от слонов музей. Компактный и очень традиционный. Чучела животных, на табличках подробное описание фауны и флоры Египта. Музей пуст и прохладен. И так не хочется покидать его и выходить под знойные солнечные лучи.

Египетский музей

Есть такая старая шутка о человеке, который заходит в музей только для того, чтобы переждать дождь. Я вошел в самый большой в стране Египетский музей, где собрано все, что имеет хотя бы малейшее отношение к Древнему Египту, в надежде отдохнуть от палящего солнца. Музей расположен на площади ат-Тахрир (Освобождение), на которую можно попасть из центра с улиц Каср ан-Нил и Шампольона либо со стороны Нила — через охраняемый каменными львами мост. Здание музея, увенчанное элегантным куполом, стоит в северной части площади.

Построено оно еще в 1902 году по проекту французского архитектора М. Дурньона. Вообще заслуга французских ученых в изучении древнеегипетской цивилизации и сохранении ее ценностей исключительно велика. Важную роль сыграли они и в формировании Египетского музея. Его основал в 1857 году французский археолог Огюст Мариэтт (1821—1881) — тот самый, ко-

торый откопал Сфинкса. Огюст Мариэтт попал в Египет в 1850 году в качестве сотрудника Лувра. Тридцатилетний француз был очарован этой страной, ставшей его второй родиной. К фамилии Мариэтта со временем прибавился титул: Огюст Мариэтт-бей. Этот знаменитый француз удостоился чести быть похороненным в древнеегипетском саркофаге. Перед входом в музей стоит его памятник.

Европейцы не только многое внесли в исследования цивилизации Древнего Египта, но и многое из нее вынесли, точнее говоря, вывезли контрабандным путем. Египетское правительство пыталось бороться с контрабандистами, скупщиками краденого, но не всегда успешно. В сороковые годы нашлись авантюристы, грозившие вывезти самого Сфинкса, предварительно распилив его на куски.

Музей поразил меня количеством предметов старины. Оба его этажа (третий был закрыт для посетителей) буквально забиты — иначе не скажешь — экспонатами. Изобилие статуэток, бус, украшений, лодочек с фигурками, черепков, уцелевших сосудов. И все это свалено на витринах под стеклами, запыленными настолько, что иногда экспонаты можно разглядеть с большим трудом. В некоторых залах — а их здесь больше сотни — выступали из углов величественные статуи фараонов, словно живые. Повсюду яркими пятнами выделялись фигуры полицейских в белой форме, лежали мешки с песком на случай внезапного нападения вражеской авиации.

— Самое хрупкое и ценное пришлось убрать, — сказал толстый улыбчивый полицейский.

— А разве возможны налеты прямо на Каир?

— Мумкин, куллю мумкин.

(За несколько дней до этого разговора вышел указ об обязательной светомаскировке автомобильных фар. Первый день указ соблюдался весьма строго, и нарушителей «красили» прямо на улицах. Но за ближайшим углом в нескольких шагах от бдительных полицейских стояли смышленные мальчишки с тряпками, за пять крышей стиравшие грязно-синюю краску.)

— Впрочем, самое интересное у нас, мистер, — мумии. Сходите обязательно в комнату мумий.

Мумии помещались в отдельной комнате, в которой поддерживалась постоянная температура. Плата за вход составляла двадцать пять пиастров — в пять раз дороже, чем билет в музей.

Около тридцати завернутых в пропитанную специальным раствором ткань мумий покоились на стоявших в шесть рядов столах. Вдоль столов двигались люди. Некоторые наклонялись, рассматривали лица, улыбавшиеся и гневавшие несколько тысяч лет назад. У многих мумий сохранились волосы. У Рамзеса II руки со съезжившимися ногтями лежали на груди.

Выйдя из комнаты мумий, я посмотрел на часы и изумился — оказалось, я бродил по Египетскому музею целых пять часов.

В Гелиополисе

Обстоятельства сложились так, что мне пришлось несколько раз переезжать с квартиры на квартиру, пока я не оказался в Гелиополисе, пожалуй, самом «европейском» из всех районов Каира. По существу, это самостоятельный город, отделенный от Каира несколькими километрами шоссе.

В Гелиополисе все свое: центральная улица — Шари^а аль-Ахрам (Пирамид), центр с универсамами, кинотеатры, кофейни. Здесь много вилл, притаившихся в больших ухоженных садах. Мало машин. В Гелиополисе спокойно и уютно. Тут царит совсем иная атмосфера. Почти не чувствуется привычного аромата Востока. Словно отделен этот район от Каира плотно закрытой дверью. На улицах, особенно тех, что проходят через его центр, французская и армянская речь звучит наравне с арабской. Незаметны мечети, зато много церквей.

Значительную часть населения Гелиополиса составляют христиане: копты, которых в Египте насчитывается свыше шести миллионов, католики, грегориане.

Римский император Константин (306—337) провозгласил христианство государственной религией Империи. Его решение распространялось, естественно, и на Египет, бывший имперской провинцией. Однако, приняв новую религию, жители Египта с самого начала всячески подчеркивали свое отличие от всех прочих христиан. В самостоятельном толковании христианского учения находило свое выражение стремление египтян к независимости. Так возникла церковь коптов. Главным ее отличием от византийского православия является признание коптами лишь божественной природы Христа,

в то время как византийцы утверждали его двойственную природу — и божественную и человеческую.

В настоящее время копты составляют значительное религиозное меньшинство, стремящееся жить в мире и согласии с мусульманами. Этим традиционным добрососедским отношениям при саатовском режиме был нанесен большой ущерб. Пытаясь отвлечь народ от экономических, социальных, бытовых трудностей, египетские власти прямо или исподволь разжигали межконфессиональную вражду, что привело к серьезным столкновениям, повлекшим за собой жертвы среди коптов. Мусульманские фанатики не щадили даже детей. К счастью, такие эксцессы были исключением, ибо большинство мусульман относится к христианам с уважением.

Коптская базилика стоит в самом центре Гелиополиса. Массивный желтого цвета куб, на котором лежит слегка сплюснутый купол. Базилика монументальна и значительна. Она чем-то напоминает древний зиккурат. Внутри ее прямые колонны поддерживают свод. В дальнем конце зала за каменной перегородкой — кафедра священника. Слева от входа статуя святого. В узких окошках блеклая мозаика. Голые стены. Ряды стульев для молящихся. Такая скромность, строгость убранства, вероятно, располагает к молитве. Впечатление портит лишь доносящийся снаружи и гулко отдающийся в пустом зале шум наземного метро. Этот шум постоянно и назойливо напоминает о том, что толстых стен недостаточно, чтобы оградиться от мирской суеты.

При входе в небольшом коридорчике висит написанный по-французски простым карандашом плакатик, напоминающий стенную газету: «Имеющий хлеб да подумает о том, кто его не имеет». Самодеятельный художник изобразил рядом с надписью два продолговатых батончика хлеба — 'иша, как его здесь называют. Листок прикреплен к стене кнопками. Рядом кружка для пожертвований. В ней несколько монет.

На той же площади, но уже не в центре ее, а с краю, еще одна христианская церковь. Едва я ступил туда, как ко мне подошел молодой человек и спросил, не желаю ли я осмотреть храм.

От него я узнал, что церковь построена в честь святого Маруна. Марун — отшельник, врачеватель, поселившийся (в IV веке) под открытым небом неподалеку от города Кирра (в Сирии), который был признан хри-

стианской церковью святым. Странники Маруна образовали целое религиозное направление, пустившее корни на земле теперешних Сирии и Ливана.

Хотя мой спутник подзабыл год основания церкви, зато сообщил, что в 1937 году она была перестроена и расширена. После этой информации «гид» следовал за мной молча. Церковь была пестрой, «несолидной». Разноцветная мозаика, составленная из кусочков красного, желтого, зеленого, синего стекла, ярко раскрашенные стены. Как и базилика, церковь св. Маруна была пуста.

Во внутреннем дворике еще одна совсем маленькая церквушка. На ее дверях замок. Подошедший сторож вежливо поздоровался со мной за руку и поведал историю церкви: построена она на деньги одного богача, назвавшего ее в честь тетки своей невесты — св. Риты.

— Это был очень богатый человек, — добавил сторож.

В церковь св. Риты меня не пустили, и я побрел по аккуратным чистеньким улицам Гелиополиса. Здесь много магазинчиков, войдя в которые забываешь о цели прихода — настолько приветливы их хозяева. В одном из них, «Мезон Коко», покупателя встречали молодая женщина лет сорока и ее худенькая очаровательная дочка — француженки с выразительными печальными глазами. Ни дать ни взять героини популярных в шестидесятые годы «Шербурских зонтиков». Они не отходят от покупателя — уговаривают, упрасивают и при этом все время заглядывают в лицо. Не захочешь — купишь, лишь бы не обидеть симпатичных хозяек.

В Гелиополисе несколько больших государственных и кооперативных магазинов — там цены несколько ниже, чем в частных, и поэтому с утра до вечера в них толпится народ.

По вечерам обитатели Гелиополиса устремлялись в несколько кинотеатров, главные из них — «Палас», «Нормандия» и «Кашмир». Конечно, есть места подешевле и подороже, причем, как ни странно, самые дорогие далеко не самые удобные. В кинотеатрах два помещения — зимнее и летнее. Летнее — площадка под открытым небом, на которой установлены стулья. По проходам ходил наряженный в белую галабийю, подпоясанную широким красным поясом буфетчик. Он держал три-четыре бутылки и, слегка постукивая по ним ключом, тихо предлагал: «Кола, кола...». Если колу просил зритель, сидящий далеко от прохода, буфетчик

продирался по ногам соседей. Расчет происходил в перерыве между сеансами. Каждый сеанс состоял из двух фильмов — серьезного и комедийного или приключенческого. В антракте — мультфильмы и реклама. Бывали и любопытные документальные фильмы. Один из них назывался «Планирование семьи». Простая идея фильма сводилась к тому, что дети приносят радость лишь тогда, когда есть средства их содержать. На экране улыбалась счастливая семья с одним ребенком. Родители жили в великолепной вилле, папа приезжал на «мерседесе», у дверей его встречала ослепительной красоты молодая мама. Все это выглядело, однако, неубедительно. В зале посмеивались. К тому же те, кому он в основном адресовался, многодетные бедняки, вряд ли могли его посмотреть. Даже самые дешевые билеты стоят столько, что посещение кино для многих каирцев — непозволительная роскошь. Те же, кто сидел сейчас в кинотеатре, спокойны за судьбу своих детей: вдоль «Паласа» и «Нормандии» выстраивались машины, чьи владельцы могли себе позволить не только ходить в кино.

В «Паласе» и «Нормандии» шли французские, английские, итальянские фильмы. Как правило, не самые лучшие. Если лента демонстрировалась на английском языке, то внизу давались арабские и французские титры, если на французском — то арабские и английские. В «Кашмире» крутили арабские и всегда вызывавшие восторг индийские ленты.

Сеанс заканчивался поздно, и домой я добирался в первом часу ночи.

Гелиополис спит. Закрыты кофейни, лавки, ресторанички. Опущены жалюзи. Лишь кое-где мелькают одинокие освещенные окна. Только одна крохотная лавочка работает почти круглосуточно: на одном из перекрестков, где сходятся несколько переулков, стоит дощатый сарай с открытой дверью. Возле него горит костерок. Тут же лежит на старом коротком матраце пожилой человек в галабийе, из-под которой выглядывают пижамные полосатые брюки. Он бос, выдавшие виды сандалии валяются рядом. В сарае вдоль стены громоздятся ящики с кока-колой и лимонадом, на самодельной полочке лежат дешевые сигареты и коробки с вафлями. Торговец всегда спит, но если остановиться и постоять около него несколько секунд, то старик просыпается, ни о чем не спрашивая, входит в сарай и

выносит оттуда маленькую темную бутылку и пачку «Клеопатры», затем молча получает деньги и укладывается на матрац.

Однажды я вздумал заговорить с ним. После первых слов он вздрогнул, равнодушно оглядел меня с ног до головы и опустился на свое ложе. Наверное, я раздражал его. Мне стало стыдно, и я быстро ушел.

Ночью можно бродить по Гелиополису вдоль и поперек и не встретить ни одного человека. Даже собаки, которых по утрам здесь великое множество, и те, видно, устраиваются на ночлег. Лишь изредка от дерева к дереву проносятся большие летучие мыши. Царит полный покой.

К утру, особенно осенью, становится прохладно. Появляется роса на листьях. Светает неожиданно. Сначала деревья, дома, небо окрашиваются в серый полупрозрачный тон. Потом за считанные минуты небо розовело, еще мгновение — и наступал день. Солнца еще не видно, а его лучи окрасили небо в голубой цвет. Вместе с лучами солнца, а иногда чуть раньше появляются на улицах ослики с тележками, зеленщики, женщины с большими сумками, спешащие в открывающиеся лавочки. Гелиополис пробуждается за несколько минут. И вот уже словно не было бесшумной прохладной ночи.

Осенью

В конце ноября начинаются ливни. Наступает холодная сырая осень. Дождь идет, не переставая, несколько часов. Вода сначала узкими ручейками, ручьями, а потом уже единым потоком течет с возвышенной восточной части Гелиополиса на запад. Исчезают такси. Лишь тяжелые «мерседесы» еще перебираются через водовороты. На моих глазах вода подхватила и понесла ярко-желтый «фольксваген», швырнув машину на небольшой островок, где автомобиль оказался отрезанным от остальной улицы. Его владелец вылез наружу, забрался на крышу и невесело поглядывал вокруг. Вскоре мимо «фольксвагена» проплыл черный «рамзес».

Успешно с водой борется только метро. Его вагоны напоминали речные трамвайчики, бороздящие волны. Через открытые окна брызги долетают до пассажиров, бурно обсуждающих вопрос о том, удастся ли им сегодня добраться до центра.

На улице Маргани, по которой едет вагон, образовался настоящий водоворот. И все-таки, несмотря на стихию, мы упорно продвигаемся вперед. Но вот за поворотом — целое озеро. Вагон останавливается. Пассажиры высовываются из окон, но не для того, чтобы выяснить причину остановки (и так все понятно), а чтобы понять, имеет ли смысл ждать, когда вагон снова тронется в путь. Вскоре становится ясно, что ждать напрасно. Вагон постепенно пустеет. Выхожу и я. Мы не успели далеко отъехать, и я благополучно добираюсь до своей квартиры. Весь вечер сижу дома, слушая передачи кирского радио, вещающего помимо арабского также на французском, английском, немецком. Лишь к вечеру отваживаюсь выйти на улицу. Вода несколько спала, но все равно по проезжей части текут обильные ручьи. Жители Гелиополиса прочно засели по своим жилищам. Прохладно и сыро, точь-в-точь как в октябре в Москве.

Добраться до центра Каира почти невозможно. Небо каждую секунду может окатить землю ушатом холодной воды, потоки вот-вот прервут с трудом налаженное движение метро.

Все-таки я рискнул, остановил попутную машину. Владельцы больших, не боящихся луж автомобилей подсаживали пассажиров на каждом углу, и, когда мы добрались до центра, в машину набилось девять человек. Однако в тесноте — не в обиде. Все довольны.

В Каире наступила тишина. Мало пешеходов. Скучают хозяева сувенирных лавочек. В морозящий дождь не хочется покупать ни медных сфинксов, ни разноцветных ковриков. Пусто в кофейнях, грустны лица прохожих. Без солнца Каир выглядит очень однообразным. Нил грязнее обычного — может, из-за цвета воды, в которой отражаются серые облака, а может, из-за ливней, смывших в реку всю грязь с городских улиц.

В день отлета над Каиром сияет яркое осеннее солнце. Высохли лужи. Чистым, умытым предстает перед нами каирский аэропорт. По залу ожидания разгуливают радостные, улыбающиеся люди.

Необычайно любезный таможенник — наверное, на него повлияло разогнавшее тучи солнце — неожиданно спрашивает:

— Как вам понравился Каир, мистер?

— Прекрасный город. Надеюсь вернуться сюда.

Таможенник добродушно кивает головой:

— Мумкин, куллю мумкин.

ТИХИЙ ГОРОД БАТНА

Когда приезжаешь в Батну

В конце июля 1974 года я шел по главной в столице Алжира великолепной улице Мурада Дидуша и чуть не плакал. Право, было от чего. Едва попав в этот раскинувшийся на горе «Белый Алжир», я сразу влюбился в его ажурные балкончики, спускающиеся к набережным и вновь карабкающиеся обратно, в его улицы, в соленый, обрызганный морем воздух, впитавший запах бесчисленных закусовых и кофеен, темно-розовые олеандры и колючие с круглыми листьями кактусы. Как-то исподволь внушил я себе мысль о том, что два года командировки пройдут именно в алжирской столице. И вот теперь горькое разочарование: сегодня вечером предстояло отправиться по железной дороге в глубинку страны, в неизвестный мне доселе город Батну¹.

Я едва не опоздал к поезду. Алжир запомнил плохо. Оттого он казался мне еще необыкновеннее, сказочнее.

Раздался короткий пронзительный гудок, и поезд тронулся.

Восемь человек сидели в купе на красных мягких диванах, тесно прижавшись друг к другу. Молчали. Поезд останавливался редко. Из открытого окна потянуло прохладой. Духота исчезла. Хотелось спать. Заснул я со странным ощущением, что еду на поезде по Африке. Посреди ночи всех разбудил звонкий детский крик:

— Кас-крут, кас-крут!!!

Кто-то бежал по коридору, барабана в запертые двери купе.

Я поднялся и вышел в коридор. Навстречу бросился парнишка лет одиннадцати. В руках он держал корзи-

¹ Алжирцы делают ударение на первом слоге — Батна. Французы, а вместе с ними и все иностранцы, говорят Батна́.

ну, из которой торчал длинный узкий батон, называемый в Алжире на французский лад «багет».

— Кас-крут, мсье, — торговец протянул хлебец.

Батон был разрезан пополам в длину, между половинками виднелись нарезанные крутые яйца, сардины и зеленые оливки. Я протянул два динара, взял кас-крут и с удовольствием откусил. Проглотив кусок, я вспомнил, что с утра ничего не ел.

Мальчишка уже выпрыгнул из вагона, и его голос раздавался у головного вагона. Все было почти как дома, когда ночью где-нибудь на станции Конотоп раздается: «Яблочки! Кому яблочки?»

Ранним утром мы остановились у разъезда Эль-Горра, где нам предстояло пересесть в поезд Константина — Бискра, шедший через Батну. Эль-Горра, маленький полустанок с небольшим садиком, фонтаном без воды и станционным домишком, в котором помещался скудный буфет. Впрочем, буфет в такую рань был закрыт, и мы бесцельно слонялись вдоль железнодорожного полотна. Часов в восемь буфет открылся, и изрядно продрогшие пассажиры устремились к разрисованной карандашом стойке отведать горячего кофе. После ароматной чашки Эль-Горра уже не казался таким унылым. Выяснилось, что за станцией находился состоящий из единственной улицы городок, а за ним поднимались горы с пологими, поросшими лесом вершинами, что кругом все покрыто ярко-зеленой травой, по которой влюбленными парочками бродили ослы.

Двухвагонный дизель появился неожиданно. Он шел бесшумно, буквально крался к станции и, не доехав до нее сотни метров, пронзительно засвистел. Все встрепнулись и бросились к низкой платформе. Носильщики едва успели бросить в багажное отделение одного из вагонов чемоданы, как поезд тронулся. Набрав мгновенно скорость, он спустя час уже подъезжал к Батне.

Батнинский вокзал мало чем отличался от вокзалов многих наших городов: тот же зал ожидания, пустынная привокзальная площадь, небольшая кучка встречающих-проводящих, каменные скамейки, расписание, которому, как выяснилось позже, следуют редко. Здесь на стенах висели уцелевшие с колониальных времен рекламки железных дорог Швейцарии да плакат «Ислам — религия плюс государство», создававший восточный колорит.

Я вышел на привокзальную площадь. Народа не

было видно. Прямо перед вокзалом поднимался холм, мимо проходило шоссе, по которому изредка проскакивали автомобили. Проехала запряженная осликом двухколесная тележка, мальчишка гнал небольшое стадо рыжих и белых коз.

Батна раскинулась совсем рядом, но ее не было слышно. Может, она еще не проснулась, а может, пробудившаяся ранешенько, задолго до нашего приезда, уже почувствовала первую усталость?

Позже мне довелось прочитать о впечатлении, произведенном Батной на известного русского путешественника Петра Чихачева, побывавшего в этих местах весной 1878 года: «В Батну мы прибыли... гонимые дикими порывами ветра, преследовавшего нас в течение всего пути. Батна, появившаяся перед нашими глазами, представляла собой унылую деревню, расположенную среди пустыни. Ее широкие пустынные улицы скорее ловили солнечные лучи, чем избегали их. Светило, столь жгучее в это время года на юге, не смогло даже оживить растительность»².

Батна расположена в восточной части Алжира. До ближайшего средиземноморского порта Скикды — четыре часа езды на автобусе. Удалена Батна и от Сахары. Она лежит в северной части массива Аурес на высоте 1051 метра над уровнем моря. С северо-востока город окаймлен горами. Прямо от его окраины начинается длинная широкая равнина, уходящая в сторону Туниса. Вдали высятся покрытые снегом вершины, где-то там за ними — самая высокая в Алжире гора Джебель-Шелия (2328 метров). С восточной стороны равнины, на расстоянии десятка километров от города, в нее врзается невысокий хребет, за которым лежат развалины римского города Тимгада.

Горы покрыты лесом, не слишком густым, кое-где видны голые участки. Растут низкие кривые сосны, хвойный кустарник. В годы освободительного движения в области Аурес скрывались от колонизаторов алжирские партизаны — муджахиды.

История Батны коротка, но богата событиями. Город был построен французами на месте захваченного ими в 1844 году берберского селения. Сначала возник укрепленный лагерь, служивший захватчикам форпостом на пути в Сахару. Лагерь постепенно обрастал до-

² Чихачев П. «Испания, Алжир, Тунис». М., 1975, с. 190.

мами, в которых селились прибывавшие из Франции иммигранты. Первое название города Нувель Ламбез (Новый Ламбез) — в отличие от старого поселения того же названия, расположенного в 11 километрах от Батны. Свое нынешнее имя Батна получила в 1849 году.

В 1871 году город был практически разрушен во время восстания местного населения против французского владычества. Восстание подавили, а Батна приобрела славу одного из самых непокорных городов Алжира.

Вдоль дороги, на вершинах окрестных гор круглые сутки дежурили французские солдаты. Сторожевые посты располагались таким образом, что с любого из них были видны два соседних укрепления. Если где-нибудь начинались волнения, то на постах разводили костры, и огненная «телеграмма» летела по небу, предупреждая солдат и местных колонистов о грозившей им опасности. Два таких поста поднимались при въезде и выезде из Батны, вдоль дороги, шедшей от побережья в Сахару. Развалины одного из них заметны и поныне.

В 1912 году среди алжирского населения Батны наблюдалось массовое недовольство мобилизацией мусульман на французскую военную службу. Из 141 призывника на сборный пункт явилось только пятеро. Спустя четыре года, в сентябре 1916-го, жители Батны выступили против декрета о принудительном наборе рабочих для оборонной промышленности Франции, был убит супрефект Батны. В 1915—1917 годах в окрестностях Батны действовали отряды повстанцев.

Неспокойно жилось колонизаторам в Ауресе. Не случайно провинциальная Батна стала первым городом, услышавшим в ноябре 1954 года выстрелы освободительной революции, завершившейся спустя восемь лет победой алжирского народа. В память о ее начале стоит здесь скромный памятник из бетона — символизирующая победу большая буква V.

Хотя население Батны уже давно превышает 100 тысяч³, даже по местным масштабам она не считается крупным городом. Живут в ней арабы, издавна селившиеся здесь кабилы и шавийя — два берберских народа, имеющих свой собственный язык и культуру. Шавийя практически двуязычны — арабский для них давно стал вторым родным языком.

³ В 1977 г. в Батне проживало 120 тыс. жителей.

Знакомство с Батной, начавшееся с ее вокзала, продолжилось, когда за нами приехала машина и мы отправились через весь город к месту, где предстояло прожить два года.

От вокзала до центра ехать минут пять. Узкие прямые улицы делят центр на квадраты. По их периметру стоят двух- и трехэтажные дома, большинство которых сохранилось еще с колониальных времен. Некоторые из них покрыты потемневшей красной черепицей. У других крыши глиняные и плоские, на них сушились, надуваясь под ветром точно паруса, широкие белые простыни. Многие дома остались недостроенными: над первым или вторым этажом торчали толстые железные прутья. Сыновья хозяина дома, повзрослев и обзаведясь семьями, не уходят куда-то в поисках жилья, а просто надстраивают этаж или другой над старой квартирой.

Батна меняла свой облик. Возводились не просто дома — целые улицы, районы. Создан университетский городок, здания которого немного напоминают крепостные сооружения. На западной окраине вырос поселок из аккуратных одноэтажных домиков под красными крышами. В южной части соорудили уютный микрорайон, каждый дом которого, отгороженный от внешнего мира белой высокой стеной, напоминает крепость. В таких домах прохладно летом. Увы, прохладно в них было и зимой. Проблема надежного отопления в африканском градостроительстве пока не решена. В зимние месяцы пол устилают овечьими шкурами или толстыми верблюжьими одеялами. Новые дома поднялись и вдоль самой широкой городской улицы — Бульвара аллея, — названной так потому, что ее разделяли два ряда густых темно-зеленых деревьев.

Бульвар аллея отгораживает деловую часть города от тихого района со старыми виллами, куда не доносится шум машин. Здесь еще совсем недавно обитали бывшие хозяева Алжира. В 1962 году подавляющая часть французов покинула страну. Из Батны они уехали все!

Французы были уверены, что без них Алжир не сможет существовать, не сумеет без их помощи наладить свою полуразрушенную экономику, вывести ее из хронического кризиса. Они ошиблись. И эти пустые виллы рядом с шумной быстро растущей Батной — постоянное напоминание об этом.

Юго-запад Батны занимал старинный арабский квартал Змаля. Почти в каждом алжирском городе есть

своя «змая»⁴. Когда-то так именовались места расквартирования турецких гарнизонов. После ухода турок сюда стало потихоньку перебираться местное население. Европейцы старались селиться на почтительном расстоянии от Змали, и граница между коренными жителями и колонистами отмечалась широкими неровными пустырями, на которых весной, когда на короткое время вырастала невысокая трава, паслись серые густошерстные овцы. Следы этой «демаркационной линии» заметны и в Батне.

Несмотря на достигнутые независимым Алжиром успехи в области обеспечения населения жильем, проблема Змали по-прежнему стоит весьма остро. В батнинской Змале, впрочем как и во всех остальных, не было водопровода, в домах отсутствовала канализация. Незаасфальтированные глинистые улицы зимой становились практически непроходимыми. Там вязли грузовики, которые развозили по домам тяжелые газовые баллоны. В городе, где нет центральной газовой сети, без них не обойтись.

С одной из окрестных вершин Змая напоминала большую деревню, притулившуюся на окраине вполне современного города.

Но и там есть перемены к лучшему. Кое-кто из обитателей Змали уже получил новое жилье. Ведь именно для них и строятся в первую очередь новые дома. Государство предоставляет ссуды на частное строительство. Есть проект перестройки всего этого старого квартала.

Батнинки

Пятиэтажный дом, где мы поселились, стоял на окраине Батны в окружении точно таких же бетонных коробок, в которых некогда размещался санаторий для офицеров НАТО.

С крыши открывалась панорама города, окаймлявших его гор и бесконечных равнин. Говорят, «виден как на ладони». В данном случае это выражение следовало понимать буквально. Город казался крохотным, миниатюрным, таким «городком в табакерке». Долгие летние и весенние закаты окрашивали его в оранжевый

⁴ Змая (букв. «товарищество») — так назывались в Алжире в эпоху деев и Абд аль-Кадира военные лагеря и подразделения (примеч. ред.).

цвет. Среди домов поднимались минареты. Солнце садилось, и зеленые горы становились серыми, очертания кварталов и домов расплывались, вспыхивали огоньки. Проходило совсем немного времени, огоньки таяли, и город засыпал. Лишь на шоссе, проходившем по краю равнины, вдалеке изредка вспыхивали фары автомобилей. Над крышей зажигались яркие звезды — наступала африканская ночь. Приятно было сидеть на крыше летним вечером, после одурающей дневной жары.

Кое-кто из жильцов укладывался там спать, разложив матрац прямо на шершавом бетоне. Любители чтения захватывали с собой свечу и при ее слабом свете перелистывали страницы. Пламя стояло неподвижным желтым столбиком, вздрагивавшим лишь от глубокого вдоха.

В доме напротив жили алжирцы. Каждое утро начиналось с того, что женщины вываливали на балконный парапет разноцветные ковры-покрывала, раскладывали продолговатые жесткие валики-подушки, и дом принимал вид витрины универсального магазина.

Лишь один балкон был пуст, а соседнее с ним окно покрашено черной краской. Дворовая «легенда» гласила, что его замазал один чересчур ревнивый супруг, не только запретивший своей жене появляться на балконе, дабы не привлекать взоров чужих мужчин, но и на всякий случай лишивший ее возможности показываться в окне.

Женский вопрос в Алжире очень сложен. Положение женщины там издавна определялось нормами шариата, существенно ограничивающими ее права. По Корану женщина полностью зависит от мужчины. В священной книге есть несколько положений, определяющих ее зависимость. По преданию, аяты Корана, ограничивающие права женщины, были внушены пророку Мухаммеду одним из его ближайших сподвижников — женоненавистником Омаром.

В Батне, как и вообще на востоке страны, замужние женщины обязаны ходить в черных покрывалах (миля). На западе более распространены покрывала античного покроя, но уже белые (хаик). На лице они носят уджару — белую повязку на тесемках, закрывающую нижнюю часть лица до уровня глаз. Уджара обшита узором с бахромой.

Некоторые, в основном работающие женщины, ни миля, ни уджару не носили. От нее почти отказались

и в семьях интеллигенции. Но часто даже эмансипированная женщина не пренебрегает милаи, особенно если она едет в деревню к родственникам. При стариках они считают себя обязанными показать свое уважение к традиционным обычаям.

Врачи, кстати сказать, полагают, что ношение уджары способствует простудным заболеваниям. Под повязкой (нередко нейлоновой) женщина не получает достаточно воздуха, кроме того, в уджаре скапливается пыль.

Скрывая от мира женщину, ни милаи, ни уджара не способны убить в ней интерес к жизни, к сложным происходящим в современном мире событиям. Укутанная в черное покрывало, делающее ее похожей на пингвина, закрытая белой уджарой, алжирка остается бойким, энергичным существом, решительно отстаивающим свои права.

За последние годы женщины принимают все более активное участие в общественной жизни. Есть среди них педагоги, врачи, медсестры, продавщицы. Недавно в одной книге я прочел, что алжирка заходит в магазин очень редко, дабы не общаться с посторонними мужчинами. Судя по Батне, это высказывание не совсем верно. Именно женщины в этом городе и составляют основную массу покупателей. На кооперативном рынке обычно две очереди — одну составляют мужчины, другую женщины. Последняя намного длиннее и голосистее.

В Батне активность и смелость слабого пола подкрепляется тем, что здесь много женщин шавийя, держащих себя с мужчинами более независимо, чем арабки. Высок их авторитет в семье. Нередко мужчины советуются с ними в серьезных делах. Женщины шавийя не носят покрывал (исключение составляют лишь те, кто вышли замуж за арабов). Шавийя одеваются ярко: красная или сиреневая юбка, пестрая блузка, на голове накручен платок.

Для Алжира в целом многоженство не характерно. Однако семьи, в которых две, три, а то и четыре жены все же имеются. Непривычно для немусульманина выглядят такие семьи на прогулке: впереди шествует отец, держа за руку одного из сыновей, а за ним, окруженные толпой ребятишек, семят супруги.

Чаще всего подобную картину можно видеть вечерами или в выходной день (с 1979 года, согласно мусульманской традиции, выходной день в Алжире — пят-

ница). Центром притяжения всех горожан в этот день становится базар. Туда спешат закупить продукты на предстоящую неделю.

На рынке

Главный базар Батны размещается в просторном двухэтажном здании, построенном уже после революции. Первый этаж занимают кооперированные торговцы. Цены у них пониже, зато и очереди подлиннее. Все самые лучшие товары разбирают те, кто приходит туда с первыми петухами. На грифельной доске мелом представляются цены. Они меняются в зависимости от сезона. Покупатели берут всего помногу, и стоящие в хвосте беспокойно заглядывают за прилавок, боясь, что товар кончится до того, как подойдет их очередь.

На второй этаж ведут две лестницы. Возле одной из них сидят босые старики в коричневых бурнусах и продают яйца. Прежде чем совершить торговую сделку, они степенно беседуют с покупателем. Один из них постоянно жалуется на ревматизм.

Здесь же, на втором этаже, продается мясо. На прилавках лежат бараньи и телячьи головы, с крюков свешиваются серые морщинистые коровьи желудки — «рубцы», горкой лежат острые колбаски из потрохов — мергезы.

Мясники поглядывают на покупателей свысока. В иерархии рыночных торговцев они занимают особое место. Это наиболее богатая и оттого нагловатая публика. Мясо дорого, и цены на него растут. Причем происходит это почти незаметно. Лишь год спустя обнаруживаешь, что у мясной лавки приходится оставлять вдвое больше динаров, чем прежде. В Батне мясо по карману далеко не всем. Обычно торговцы предлагают кусок весом в два-три килограмма, а когда их просят взвесить что-нибудь поменьше, то они строят разочарованную мину. Впрочем, они не брезгают продавать говядину и баранину по 100 и 150 граммов, бросая при этом на покупателя столь уничтожающий взгляд, что бедняга спешит как можно быстрее расстаться с этим «хозяином рынка».

По сравнению с мясниками зеленщики казались настоящими ангелами. Главная причина их «ангельского» характера весьма прозаическая — конкуренция с кооперативным сектором.

Овощи и фрукты, тщательно промытые, соблазняющие своей формой, цветом и запахом, сложены в аккуратные пирамиды. Проходя мимо идеально круглого, крупного картофеля, огромных оранжевых клемантин, помидоров величиной с детскую голову, ярко-зеленого лука, петрушки, я забывал о ценах. Предупредительные и вежливые зеленщики могли подложить зазевавшемуся клиенту товар отнюдь не «с витрины». Сумки наполнялись мгновенно. Минут через пятнадцать можно покидать второй этаж.

Есть в Батне еще один базар — совсем маленький. В отличие от главного, называемого на французский манер «Алль сентраль», базарчик носит исконно арабское имя — сук. Через него проходит главная шириной метра полтора и длиной метров пятьдесят «улица», вдоль которой выстроились сбитые из фанеры, картона, крытые жестью лавки, собственно, даже не лавки, а палатки, заваленные самым разнообразным, часто ношенным и подержанным, товаром. По внешнему виду сук немного напоминает палаточный лагерь кочевников. По вечерам торговцы складывают нераспроданные пожитки в большие, выдавшие виды чемоданы и разбредаются по домам. Тот, кто прибыл издалека и не имеет денег, чтобы заплатить за скромный ночлег в гостинице, устраивается тут же, расстелив на земле бурпус или кашабийю.

Ярко светится керосиновая лампа, собирая вокруг себя окрестную мошкарку, греется на примусе небольшой кофейник с кофе, которым начинается и кончается рабочий день любого торговца на Востоке.

О чем говорят батнинцы

Хотя от рынков — большого и маленького — до дома не так уж и далеко, тащить переполненные сумки не хотелось. Я брал такси. Как правило, таксисты Батны пребывали в бездействии: город маленький. Ехать некуда. До самой дальней точки можно без особых усилий добраться пешком. На всю Батну в то время был один маршрут городского автобуса, по которому ходили две-три полупустые машины. Так что транспортной проблемы в городе практически не существовало.

У шоферов Батны такса единая: пять динаров в любой конец города.

Водители не особенно разговорчивы. То ли оттого, что маршрут слишком короток и у них нет времени привыкнуть к пассажиру, то ли из-за недовольства частыми простоями. Ни с одним из них поговорить не удалось. Не просто складывались отношения внутри шоферского клана. На стоянках такси между водителями нередко возникали конфликты из-за клиентов.

Внутри автомобиль запылен так, что даже стрелку спидометра трудно различить. Замызгано окно, по которому провели тряпкой лишь в самой середине, перед носом шофера. Такое впечатление, что стекла не мыли с той поры, как куплена машина.

— Почему бы не протереть стекло? — не удержавшись, спросил я как-то у водителя.

— А зачем, и так все видно. Дорогу я знаю как свои пять пальцев, а лишний раз смотреть на эту Батну не хочу. Надоело.

Батнинцы всегда ругали свой город. Долгое время мне не удавалось услышать ни одного теплого слова в его адрес.

— Батна — это могила, — откровенничал инженер Бу Тегрин, работавший в городе Алжире, а сюда, домой, приезжавший только на короткое время в отпуск. — Что здесь хорошего? Скучно.

— Вот только денег раздобуду и немедленно сбегу отсюда, — это уже слова другого жителя Батны, вынужденного подрабатывать в небольшой обувной лавочке.

— В Батне можно жить, если совсем деваться некуда, — твердил недоучившийся студент Амин.

Амин оставил второй курс филологического факультета в Константине. О причинах разлуки с университетом он не распространялся.

Возможно, во многом мои собеседники и правы. Батна, по справедливому выражению того же Амина, «совсем не Париж». «Батна... Мы въезжаем в столицу Ауреса в будний день недели. Мы сразу чувствуем скуку, в которую погружен город. Оживленно лишь в кафе. Все безмолвно и неподвижно... Кругом разлита какая-то гнетущая тишина...» Это не из воспоминаний путешественника прошлого века. Это из алжирского журнала «Револьюсьон африкэн» за декабрь 1980 года. Статья, посвященная Батне, называлась «Батна: провинция в летаргическом сне». Автор писал, что в Батне практически отсутствует какой-либо культурный центр,

что молодежи нечем занять себя, что поговорить, встретиться можно только в кафе, что тосклива жизнь в студенческом городке.

Мне Батна нравилась. Чем дольше жил я в маленьком, «забытом Аллахом городе» (еще одна фраза, брошенная несостоявшимся студентом Амином), тем больше испытывал к нему непонятную многим коренным батнинцам нежность.

Столичным жителям, когда они попадают в маленькие провинциальные городки, поначалу всегда не по себе. Особенно если городок находится в чужой стране. К новому месту привыкаешь долго и мучительно. Но зато освоившись, начинаешь любить его как собственное жилище, комнату, где все знакомо и где ты можешь передвигаться даже с закрытыми глазами.

Постепенно я перестал обращать внимание на неяршливость батнинских улиц с разбитыми тротуарами, на облупившиеся стены домов. Я становился жителем Батны, надолго привыкая к ее ритмам, людям, нравам, обычаям.

В Батне много иностранцев. Однажды ради любопытства я посчитал, сколько раз поздоровался за одну недолгую прогулку. Получилось 37, и из них трижды я пожимал руки болгарским друзьям.

Алжирское правительство стремится создавать свои национальные кадры. Хотя эта задача успешно выполняется, все-таки до ее полного решения еще далеко. В Алжире работают специалисты из самых разных стран — Советского Союза, Болгарии, ГДР, Польши. Здесь чехи, югославы, французы. В Батне я встречал кубинцев, даже аргентинцев.

В окрестностях Батны болгарские специалисты заняты трудным и очень важным для Алжира и особенно для Ауреса делом — сбережением лесов и новыми лесопосадками. То, что было в свое время варварски уничтожено колонизаторами, теперь постепенно восстанавливается. Болгарские лесники утверждали, что в Ауресе вновь появятся львы.

В больницах Батны работали польские и советские специалисты. Медицинское обеспечение в стране бесплатное. По утрам у больницы и поликлиники выстраивались очереди, в основном женщины. Нередко их сопровождали мужья, требуя, чтобы врач проводил осмотр больной в его присутствии. Алжирцы утверждали, что женам нравится подобная заботливость мужей.

Кофейня

Город просыпался рано, часов в пять-шесть. Солнце появлялось из-за горных вершин. Его лучи освещали небо, скользили вниз, постепенно спускаясь по высокому массиву, расположившемуся вблизи города. Сначала солнце осторожно глядело лучами слегка замерзшую за ночь Батну, согревая ее черепичные крыши. Грелись собаки, лениво дремавшие у порогов домов.

Летнее утро Батны — это самые приятные минуты. Чуть-чуть прохладно в тени. Чуть-чуть жарковато на солнышке. Жесткие листья деревьев источают пряный аромат. Ветерок с гор пробегает по пустынным окраинным улицам. Трудно поверить, что это те самые улицы, где вечером стоял веселый гомон мальчишек, игравших в футбол, салки и непонятную игру, напоминавшую забытый ныне нашими детьми «штандер».

Открывались кофейни. Заспанные гарсоны и уборщицы лениво снимали со столов стулья. Официант смахивал тряпкой пепел с прилавка и начинал варить кофе для первого посетителя. Первая чашечка кофе особенно приятна. Алжирцы считают, что от того, в каком настроении ее выпьешь, зависит весь предстоящий день. В этих словах большая доля истины. За первой чашечкой кофе можно не спеша обдумать все дневные дела.

От арабов я перенял обычай разглядывать из кофейни прохожих. Утром приятно видеть спешащих людей. Их деловитость заставляет внутренне собраться.

День начинается. Всего десять минут проведено в кофейне, но когда выходишь, то видишь — Батна изменилась. Кончилось утро. Наступил день. Первым на работу вышло солнце. Оно уже не ласкает, но со всей своей африканской добросовестностью накаливает и улицу, и стены, и крыши.

Улицы наполняются людьми, на главном перекрестке города даже появился полицейский. Сейчас он необходим: машины, ослики, пешеходы — все это хаотично двигается, пересекая друг другу путь. Кричат водители и погонщики.

Главная улица Батны — улица Бискры. На ней находятся магазины, недорогие ресторанчики, кофейни. Здесь особенно много народа, покупающего, продающего или просто слоняющегося без дела. Сутолока объяснима и простибельна в большом столичном городе, например Каире, но здесь, в провинциальном городке, от-

стоящем на тысячу километров от Алжира, она удивляет: куда торопиться?

Ветерок пропал и унес с собой аромат деревьев. Пройдет еще три часа, жара прогонит с улицы прохожих, и хозяйки закроют ставни, чтобы сохранить в домах остатки прохлады. Кондиционеры в Батне большая редкость, а вентиляторы от жары и духоты не спасают.

К 11—12 часам город замирает. На улицах пусто, как ночью. Редкие автомобили лениво ползут по раскаленной Бискринской улице.

Впрочем, люди продолжают работать. Государственные учреждения в дневное время не закрываются.

К полудню тени исчезают. У рынка стоят брошенные хозяевами ослики. Они лениво шевелят хвостами. Вокруг закрытых глаз большие черные мухи. Время остановилось.

«Мертвый час» продолжается до пяти. Без четверти пять Батна пробуждается. Но это второе пробуждение не походит на утреннее. Заспанные батнинцы бредут по тротуарам, по мостовой, равнодушно оборачиваясь на гудки водителей. «Второе утро» города длится больше часа. Постепенно движение оживляется. Мужчины устремляются в кофейни, где проводят остаток вечера, беседуя о футболе, политике и еще бог весть о чем.

К семи часам вечера кофейни переполнены. Часть стульев перекочевывает на улицу. В кофейне подают кофе (черный кофе с сахаром зовется мадбут), мятный чай, приторный, сильно разбавленный горячим молоком кофе — хлиб, прекрасно утоляющий не только жажду, но и голод.

Батнинские кофейни носят странные, никак не вяжущиеся с их внешним обликом названия — Ас-Сабах (Утро), Аш-Шамс (Солнце), Аз-Зухра (Венера)...

Батнинская кофейня — это просторное помещение, сплошь уставленное столами и стульями. На стенах фотографии, картинки, надписи на арабском языке. Чаще всего встречалось «бисмилла...» («во имя Аллаха») — с этих слов начинаются суры Корана. В «Аз-Зухре» и «Ас-Сабахе» на колоннах, поддерживающих потолок, висят зеркала. Благодаря им количество посетителей кофейни удваивается. Бывают рекламы двадцатилетней давности. К ним привыкли и потому не снимают. Иногда официанты прикалывают на стену фотографии городов — преимущественно французских, но иногда вешают открытки с видами Москвы, Ленинграда, Одессы. Воз-

дух, несмотря на то что в летнее время окна кофейни открыты настежь, а двери вообще не закрываются, прокурен, а по углам скапливаются клубы табачного дыма. Колченогие с трещинами стулья — некогда венские ажурные — скрипят при малейшем движении. Кресла глубоко промяты, на некоторых лопнула кожа. Пепельницы всегда переполнены, пепел рассыпается по столу. Кофе, чай и хлеб подавались в маленьких стеклянных стаканчиках или в зеленых (почти во всех кофейнях) чашечках.

Гарсонов своих кофеен Батна знает по именам. С ними здороваются на улице. Да и сам гарсон знает добрую половину мужского населения Батны. Вечером в кофейне он выполняет роль распорядителя. То и дело слышатся его возгласы:

— Асма', йа Ахмед, дир аль-хлеб! Зид зуз гахва! (Слушай, Ахмед, сделай хлеб. Еще два кофе!)

— Хадыр, йа Слими (Есть, Слими), — по-военному отвечает стоящий у «экспресса» Ахмед и с силой подает вперед ручку.

С этой ручкой он не расстается весь вечер, как пилот со штурвалом самолета. Слими скользит между столиками с одной, двумя, пятью чашками, ставит их на стол и мгновенно исчезает. Он спешит, но угодить сразу всем невозможно. Временами Слими останавливается и устало поглядывает вокруг. Он не мальчик: ему за тридцать. Доволен ли он своей судьбой? Вон он улыбнулся, поздоровался с только что вошедшим посетителем:

— Гахва вахид, йа Ахмед (Один кофе, Ахмед).

Тот, кто торопится, выпивает свою чашечку прямо у стойки. Очереди никакой нет. Чей поднятый палец видит гарсон раньше или чей голос раньше услышит, тому первому и приносит зеленую чашечку. Редкое исключение делается лишь близким приятелям.

Арабская кофейня! В ней возникает странный непостижимый уют, насквозь прокуренный, заполненный чашечками с кофейной гущей. Здесь гомон, в котором не различить отдельные слова. Здесь спорят, обсуждают. Здесь все равны. Чашечка кофе стоит всего один динар.

— Салам алейкум, йа шейх (Привет, уважаемый). — Слими ставит кофе перед стариком в белой кашабийе. — Что-то давно тебя у нас не видно.

— Дела, Слими, дела.

— Ну какие там дела в твоей деревне?

— Разные. На той неделе получили новый трактор...

— Уж не стал ли на старости лет трактористом?

Старик замолкает, глотнув из чашки кофе. Но, видно, ему очень хочется поговорить.

— Я не стал. Сын стал.

— Твой сын тракторист?

— Да, Слими. Раньше я сюда в баню приезжал, а теперь у меня в доме свой душ есть. В город за хлебом ездили, а сейчас такую пекарню построили... Там мой старший заправляет. Я теперь почетный человек. Каких детей вырастил! Внуки в школу пошли.

— А, у вас теперь школа...

— Слими, — раздается голос из угла, — будет сегодня чай?

— Хадыр, — и Слими устремляется дальше.

В кофейне забываются заботы прошедшего дня. Здесь ты один и сразу со всеми. Если пришел со своей компанией, можешь оставить ее и перейти к другому столику. Не забудь только захватить свой стул. В кофейне всегда весело, шумно. Но если хочется побыть в одиночестве, то достаточно просто опустить глаза, и ты уже наедине со своими мыслями. Завсегдатаи кофейни никогда не беспокоят тебя.

В кофейне не обманывают. Не помню случая, чтобы кого-нибудь обсчитали. Не помню и того, чтобы посетитель ушел, не заплатив.

Кофейни работают часов до девяти. Допоздна никто не засиживается. Утром рано вставать.

Если расстаться с кофейней и выйти на улицу часов в семь, особенно осенью, когда темнеет рано, Батна кажется особенно маленькой и домашней. В закусочных-полуресторанчиках с открытыми настежь дверями жарятся цыплята, кусочки печени — кибуд, насаженные на острые железные прутья. Из окон торчат трубы жаровен. На подоконниках — горки крутых яиц, а рядом с ними жареные бараньи головы со сжатыми челюстями с белыми зубами. Сладковатый дым смешивается с невидимой мелкой пылью, и город превращается в большую комнату с низким потолком и таинственными темными углами. Вдали громоздятся желто-зеленые днем, а ночью совсем черные горы.

От харчевен с пятью-шестью стульями вокруг двух столов, покрытых невысказанно замусоленной клеенкой, уходить не хочется. Запах жареного мяса, острой любви — фасоли в красноватом соусе — манит неудер-

жимо. Приветливо светятся лампочки. Посетители — уставшие от дневной жары и работы мужчины в некогда белых рубашках, в туфлях на босу ногу — терпеливо поджидают ужина, точнее, позднего обеда из острой шурбы (протертого супа в маленькой тарелочке) и любви, кибуда или белоснежной рисовой горки, наполненной в середине томатным соусом. На закуску подают гофрированные листья салата, обильно политые винным уксусом, после чего аппетит удесятеряется. К восьми часам город заканчивает свой ужин...

На экране и на сцене

В девять часов начинается кино. В Батне три кинотеатра — «Казино», «Режан» и «Аурес». Первые два остались еще со времен французов. Сохранились не только здания, но и внутреннее их убранство: в «Режане» даже висят фотографии кинозвезд двадцатилетней давности. Фильмы идут в основном развлекательные, французского, американского производства. В «Режане» нередко показывают индийские и арабские — египетские, сирийские — ленты. Осенью 1975 года большой популярностью пользовался сирийский фильм «Эскадрилья героев», рассказывавший о подвигах сирийских летчиков в боях с израильянами.

Чтобы купить билеты, нередко приходилось выдерживать самый настоящий бой. Очередь никто не признавал, разгоряченная толпа колыхалась у окошечка кассы. Порядок наводили изредка появлявшиеся на перекрестке перед кинотеатром полицейские.

В 1975 году в центре Батны открылся новый кинотеатр — «Аурес». Хотя снаружи он казался маленьким, его зал был очень вместительным. Все вокруг поражало чистотой. Во время сеанса запрещалось курить. Билеты в «Аурес» стоили чуть дороже обычного. В «Ауресе» мне довелось посмотреть прекрасный фильм алжирского режиссера Лахдара Хамины «Хроника пламенных лет», получивший в 1975 году главный приз на Каннском фестивале.

Кинотеатры были в то время едва ли не единственными очагами культуры в Батне. А интерес батнинцев к искусству велик. Большим событием стала выставка работ советских фотографов в 1975 году. Выставка разместилась в нескольких просторных комнатах од-

ного из домов Батны. Работала она вечером, часов в шесть, но еще до открытия около входа в нее собирались люди. Алжирцы рассматривали фотографии о труде и жизни советских людей, любовались работами фотографов-пейзажистов, спрашивали о Советском Союзе. Мальчишки особенно долго рассматривали снимки военного парада на Красной площади.

— У Алжира тоже скоро будет такая армия, — гордо сказал один из юных посетителей.

Выставка продолжалась несколько дней, и после ее окончания многие батнинцы просили привезти эти фотографии в Батну еще раз.

Расскажу и еще об одном эпизоде культурной жизни Батны, о том, какой интересный спектакль довелось мне здесь однажды посмотреть...

Африканский вечер может быть холодным даже в начале лета, особенно когда ветры дуют со Средиземного моря, южных берегов Италии, прорываясь вихрями с севера сквозь широко расставленные вершины гор. На краю маленького стадиона с одной крытой трибуной и вытопанным футбольным полем на низком, сваренном из труб помосте стоит сцена, сбитая из аккуратно выструганных и подогнанных одна к другой досок. На ней громоздятся декорации, сделанные в коричневых и серых тонах. Две лестницы ведут к небольшой площадке, нависшей над полом. «Первый этаж» сцены разделен множеством перегородок и напоминает лабиринт. Такое расположение декораций позволяло мгновенно менять место действия, переносить его из комнаты в комнату, из дома на улицу. Отсутствовала привычная программа, афиши со списком действующих лиц и исполнителей, да и само название пьесы знали далеко не все. Сведения о предстоящем спектакле я почерпнул из приклеенного на дверь государственного магазина «Галери», наполовину оборванного объявления, гласившего, что 3 июня в столице вилайета Аурес — Батне на городском стадионе выступает труппа Алжирского национального театра.

И вот теперь, сидя среди трех сотен любителей театра, из которых единственной женщиной оказалась моя жена, мы постепенно осваивались в необычной обстановке и с интересом наблюдали за зрителями. Одни, купив билет, проходили через узкую калитку в высоких воротах, охранявшуюся двумя полицейскими и молодым старнем, которого мы условно окрестили «дружинником».

Другие появлялись из темноты футбольного поля и, стараясь быть не замеченными блюстителями порядка, прокрадывались на трибуну. Третьи, видимо решив, что платить за вход к Мельпомене четыре с половиной динара слишком дорого, избрали кратчайший, но отнюдь не безопасный путь: они проникли сквозь широкую дыру в навесе над трибуной. Громкий стук падавших на трибуну тел служил одним из элементов своеобразного шумового оформления, сопровождавшего спектакль от начала до конца.

В топоте ног на трибуне, в гомоне без стеснения громких голосов еле слышно прозвучали три традиционных стука, и спектакль начался. Я по-ученически старательно вслушивался в текст, чтобы по содержанию диалогов понять, о чем шла речь, и хотя бы приблизительно угадать название пьесы. Поражали имена действующих лиц, очень непривычные для арабского языка. И вот наконец среди пока еще малопонятной кутерьмы звуков родилось слово, все сразу объяснившее, — «Ситшуан».

Итак, 3 июня 1976 года в Батне Алжирский национальный театр давал пьесу Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана».

Алжирский театр нельзя рассматривать отдельно от обстановки, в которой проходит спектакль. Сама атмосфера спектакля становится важным элементом, чье воздействие не всегда положительно влияет на ход представления.

Зрители чуть ли не в полный голос комментировали происходившее на сцене, кое-кто даже «подсказывал» артистам. В темноте вспыхивали огоньки сигарет. Вот по футбольному полю пронеслись две полицейские машины с зажженными фарами. Слепив на мгновение трибуну, они устремились к противоположному краю стадиона, где обнаружили прокравшиеся «зайцы». Но артисты словно не видели автомобилей, с шумом разворачивавшихся около самой эстрады. Они играли. Играли вдохновенно, как только могут играть люди, влюбленные в свое дело. Я почувствовал себя в самом настоящем театре, забыв, что сижу не в кресле, а на скамейке стадиона. Забыв, что нахожусь в Африке. Все внимание было приковано к действию.

Спектакль кончился. Довольные, расходились зрители. Увы, за два года жизни в Батне возможность побывать в театре представилась мне один только раз.

Книжные магазины. Поговорим по-арабски...

В городе не было библиотек. Они существовали только при учебных заведениях. Поэтому об интересе батнинцев к литературе можно судить по книжным магазинам. Как? Да очень просто: по тому, какие книги раскупали сразу, а какие залеживались месяцами. Подавляющая часть продаваемой в Батне, как и в целом в Алжире, художественной литературы поставляется французскими издательствами. Книги самые разные — на все вкусы. Много русской классической литературы: Толстой, Гоголь, Чехов, Достоевский. Однажды, зайдя в ювелирную лавку, я застал ее хозяина за чтением «Живого трупа». Поговорили о русской литературе, в которой мой собеседник неплохо разбирался. Больше всего ему нравился Лев Толстой. Желая показать свою начитанность, он обстоятельно пересказал несколько эпизодов из «Войны и мира». Потом заговорили о Шолохове. «Тихий Дон» совсем недавно «сверкнул» и сразу исчез с прилавков.

В трех книжных магазинах Батны всегда много народу, особенно молодежи. Самый популярный из них — «Фетх» («Открытие») ⁵. В «Фетхе» работали продавцами мальчишки лет одиннадцати—тринадцати, которыми верховодил худенький губастый паренек с большими черными глазами. У него была странная кличка — «Мудауид», что в переводе означает «червивый». Мудауиду нравилась его работа. Он знал по именам завсегдатаев магазина, приберегал нужный журнал, мог шепнуть, когда ожидается новый завоз. Мальчик учился в школе, но семье не хватало денег, и ему пришлось устроиться сюда, чтобы подработать. С Мудауидом у меня сложились прекрасные отношения, но я, к моему стыду, очень долго не знал его настоящего имени. И однажды, когда я окликнул его: «Аруах, йа Мудауид!» («Подойди, Мудауид!»), услышал такой ответ: «Маниш Мудауид, энэ Юсеф» («Я не Мудауид, я Юсеф»).

С тех пор, когда я громко обращался к Юсефу по имени, он горделиво поглядывал на своих приятелей.

В «Фетхе» продавались газеты и журналы, причем не только местные, но и из Египта, Туниса, из Франции

⁵ Фатх (на диалекте — Фетх) означает по-арабски также «завоевание, победа». С 1967 г. это название стало популярно в арабском мире ввиду успехов ведущей палестинской организации «Фатх» (примеч. ред.).

и других стран. Каждое утро на заменявшем прилавок круглом столе лежали пачка «Эль-Муджахид» («Борец») — главной ежедневной газеты страны, и выходящей в Константине «Ан-Наср» («Победа»). По воскресеньям батнинцы спешили купить еженедельник «Альжери-актюалитэ», по подборке материалов схожий с нашей «Неделей», печатный орган партии Фронт национального освобождения журнал «Револьюсьон африкэн» («Африканская революция»), который печатается по-французски. В Батне, как и повсюду в Алжире, говорят на двух языках — арабском и французском.

О языковой проблеме стоит, пожалуй, сказать немного подробнее. Официальный язык АНДР — арабский. Но фактически в стране два равноправных языка. Существует и еще один язык — берберский, на нем говорят кабилы и шавийя. Бербероязычные группы, по меткому замечанию советского арабиста Ю. Н. Завадского, представляют собой «оазисы, окруженные арабами». Многие шавийя считают, что записать их язык арабскими буквами невозможно: слишком много различий.

В Алжире еще сохраняется весьма устойчивое деление на «арабофонов» и «франкофонов», то есть тех, кто лучше говорит и понимает только на одном из языков.

Позиции французского языка, укоренившегося за 130 лет колониального владычества, по-прежнему прочны. В первые годы после революции он оставался, по существу, единственным официальным языком страны, языком государственных учреждений. Многие служащие, даже очень высокого ранга, говорили и писали по-французски намного лучше, чем на своем родном языке.

В конце 60-х годов в Алжире началась кампания по арабизации — переходу на арабский язык. Растет число школ и лицеев, где преподавание ведется по-арабски. Все большее количество учителей-арабистов выпускают педагогические училища. Уже в 1972/73 учебном году число учителей начальной школы, обучавших своих учеников на арабском языке, достигло почти 52 тысяч. Для Алжира это весьма существенная цифра.

Результаты арабизации сказались прежде всего на детях. Алжирцы 7—8 лет заговорили на классическом

арабском языке. Выглядело это чрезвычайно забавно. Однажды я услышал, как маленькая девочка обратилась на дивной арабской «классике» к старику торговцу. Выслушав ее просьбу, он покачал головой, а потом попросил повторить свою просьбу «по-алжирски», то есть на принятом здесь диалекте.

В Батне много школ, и почти все они построены после революции. По официальной статистике, школьным образованием в Алжире в 70-е годы охвачено свыше 80 процентов детей. Думаю, в Батне этот процент еще выше. Утром в городе почти не видно ребят. По утрам одетые в голубую форму с яркими цветными портфелями малыши бегут в школу. Некоторых родители подвозят на машинах. Перед занятиями — торжественные линейки.

В городе несколько институтов и лицеев, крупнейший из которых назван именем Бен Булаида — одного из руководителей алжирских партизан, павшего в годы революции. Лицей очень красив — приземистое современное здание с большими окнами, вокруг которого разбит аккуратный с асфальтированными дорожками сад.

В 1971 году в Батне был открыт исламский лицей. Он вытянулся вдоль идущего в направлении древнего Тимгада шоссе. За высокими полукруглыми окнами студенты изучали Коран, шариат, арабский литературный язык, историю.

Руководители страны проявляют заботу о мусульманской религии, считая ее неотъемлемой частью алжирского общества, его традиций и культуры.

Батна мусульманская

Батна — город мусульманский. Над крышами домов поднимаются минареты мечетей. У входа в них сидят старики в белых одеждах. Им некуда торопиться. Прислонившись к стене, обхватив руками посохи, они обсуждают свои стариковские проблемы. Мне всегда очень хотелось поговорить с этими людьми, но я стеснялся и так никогда и не узнал, что волнует самых старых прихожан.

Народу в мечетях не слишком уж и много. На полу разбросаны циновки, заменяющие саджады. Иностранцев молящиеся не замечали. Однажды во время экс-

журсии в одну из «социалистических деревень»⁶ — Эль-Куашия, расположенную в нескольких километрах от Батны, нас пригласили посетить только что построенную мечеть. Некоторые из туристов вошли туда, не сняв обуви, — грубейшее нарушение исламских правил, — но любезные хозяева позволили разгуливать в ботинках по коврам мечети.

Каждый правоверный житель Батны начинал утро с молитвы. (Раздававшийся с минаретов азан, разумеется, был записан на магнитофон.) Молитвой день и заканчивался. В промежутках между молитвами, а всего их пять, горожане занимались будничными мирскими делами, не забывая при этом и об Аллахе: «инш Алла» и «аль-хамду ли-лла» (если будет на то воля божья, слава богу) не сходили у них с уст.

Строго соблюдались в Батне мусульманские обряды и праздники, особенно главный пост ислама, отмечаемый в месяце рамадан. Летосчисление мусульмане ведут от хиджры (переселения пророка Мухаммеда из родной Мекки в Ясриб — позднее Медину), состоявшейся 16 июля 622 года н. э. В соответствии с лунным календарем год делится на 354, високосный — на 355 дней. Поэтому в разные годы рамадан приходится на разные месяцы христианского календаря. В 1975 году рамадан совпал с сентябрем.

Во время поста запрещено буквально все: еда, курение, питье, нельзя проглатывать слюну, ибо она может проникнуть в желудок, лучше не чистить зубы, чтобы не проглотить невзначай остатки пищи. Запрещены любые греховные деяния и даже сами помыслы о них. Только больные, дети и беременные женщины в соответствии с шариадом освобождаются от соблюдения поста.

Полемика о пользе рамадана ведется в мусульманском мире давно. Улемы (мусульманские богословы) утверждают, что помимо божественного предназначения пост приносит и практическую пользу, ибо желудок нуждается в передышке. Рамадан восстанавливает человеческий организм, утверждают они. Голод же и воздержание способствуют концентрации внимания мусульманина только на божественном.

⁶ По плану аграрной реформы в Алжире к 1985 г. предполагалось построить 1000 «социалистических деревень», которые должны стать образцом аграрного развития.

В центре Каира

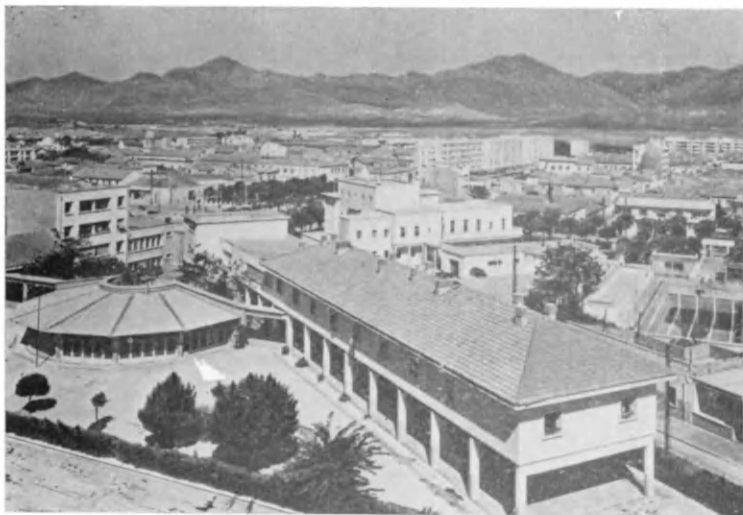
Каир. Улица 26 июля

Каир. Мост Тахрир

Батна. Общий вид

Муниципалитет в Бенгази

Бенгази. Улица Победы

Бенгази. Отель «Омар Хайям»

Бенгази. Улица Омара аль-Мухтара

Рамадан создавал большие сложности на производстве. Шутка сказать, в течение целого месяца каждый день трудиться на голодный желудок. Резко падала производительность. Пользуясь гибкостью некоторых положений Корана, богословы старались приспособить их к производству: тем, кто занят особо тяжелым трудом, они разрешали во время рабочего дня пить и есть. По этому вопросу в Алжире было опубликовано специальное постановление Высшего исламского совета. Допуская употребление пищи, авторы постановления подчеркивали, что даже вынужденное нарушение поста мусульманина должно быть исправлено им в последующие дни.

Утро рамадана начиналось в Батне как обычно, с той лишь разницей, что двери кофеен, ресторанчиков и кондитерских были закрыты. Так же как и всегда, работали государственные учреждения и магазины. Но вечером...

Улицы постепенно пустели. Несколько оживленно было в небольших пекарнях да кондитерских, где делали пирожные. В их распахнутых дверях виднелись раскаленные печи, возле которых сновали раскрасневшиеся пекари.

Около кофеен томимые голодом гарсоны лениво расставляли стулья. Закрылся сигаретный ларек. Он сегодня работал только полчаса — перед концом дневного поста. Вот уже никого не осталось на улицах. Лишь изредка проносился автомобиль, водитель которого спешил к долгожданному ужину.

Есть в рамадан можно начинать лишь когда черную нитку нельзя отличить от белой, то есть с наступлением полной темноты. Сядет солнце, отпоет свою молитву мулла — и пожалуйста, ешьте сколько угодно.

За несколько минут до начала пира я стоял в центре замершей Батны и слушал муллу. В городе, казалось, не было ни единой живой души. Словно в сказке о спящей красавице. Затих даже ветер. Замерли деревья на бульваре. Наступила абсолютная тишина.

И вдруг взвыла хриплая сирена. И снова тишина. Прошло еще минут пять. В кофейне напротив распахнулась дверь. Появился первый прохожий. За ним еще один. Мужчины подошли к столику на улице, поздоровались и сели. Достали сигареты. Подошел гарсон.

— Два кофе?

Оба посетителя кивнули головами.

Гарсон скрылся внутри кофейни. Когда он вернулся, почти все стулья были уже заняты. Мужчины с жадностью сделали первые глотки, откинулись на спинки стульев и затянулись дымом — над столиками поднялись белые облачка. В кофейне сидели лишь те, кто успел насытиться. Остальные ели. Слушали музыку, развлекались. И опять ели. За вечер и добрую половину ночи люди старались восполнить и завтрак, и обед, и ужин. В вечернее и ночное время в рамадан наедались до одури. Почти не спали или спали очень плохо. А утром уставшие и невыспавшиеся шли на работу.

Так продолжается целый месяц.

За весь рамадан в светлое время на улицах Батны я не видел ни одного курящего. Иностранцев предупреждали о том, что даже доставать сигареты на глазах у томящихся мусульман неприлично. Это не только оскорбляет их религиозные чувства, но в прямом смысле действует на нервы: голодный сытого не понимает. Но все ли батнинцы в одинаковой степени чтут пост? Ответ на этот вопрос сложен. На людях — все. А вот оставаясь наедине с иностранцем, кое-кто из них мог и попросить сигарету. «Аллах простит! Велик Аллах!» — прибавлял нарушитель с улыбкой.

Вообще запреты ислама соблюдаются в Батне строго. Пожалуй, самое главное, что останавливает нестойких, — это общественное порицание, мнение окружающих.

За два года я лишь однажды видел сильно пьяного человека на улице: по Бискринской шел, пошатываясь, молодой мужчина, а за ним... шагали двое полицейских, неподалеку ехала санитарная машина (может быть, она оказалась здесь случайно, а возможно, и специально, чтобы подобрать пьяницу, когда он наконец свалится), бежала толпа ребятишек. Взрослые молча смотрели на все происходящее с безгловым любопытством. Дети выражали свои чувства более откровенно.

— Аль-халлюф! (Свинья!) — кричали они, показывая на пьяного пальцами.

Тот шел не оборачиваясь. Процессия скрылась за углом.

Двадцать девять дней длился рамадан. К концу его мусульмане устали от голодных дней и ночных переданий. Все ждали великого праздника разговенья, знаменующего конец поста. Он объявлен государственным праздником. Три дня веселятся мусульмане, дарят друг

другу подарки. Около домов чинно здороваются, гуляют разряженные дети. С утра целыми семьями выходят на праздничную прогулку или отправляются в гости. Из окон доносится музыка. Шумит на окраине Батны сук, на котором идет как никогда бойкая торговля. Торговцы постарались и завезли на праздник новые товары.

Спустя два месяца начинается хаджж—паломничество мусульман в Мекку. Хаджж — одна из обязанностей каждого мусульманина. Далеко не всем доступно путешествие в Мекку, но тем не менее число паломников из Алжира растет с каждым годом. Во время хаджжа не имеющая аэродрома Батна слышит гул самолетов. Из глубины Сахары, из Лагуата летит в Мекку специальный самолет, доставляющий в Аравию паломников из сахарских городов и селений. В 1974 году авиакомпания «Эр-Альжери» осуществила 80 специальных рейсов из Алжира в Саудовскую Аравию. Всего в тот год в Мекку ездило 50 тысяч алжирских паломников.

На десятый день паломничества мусульмане отмечали праздник жертвоприношения. Главный его «участник» — баран, которого приносят в жертву, и потому многие иностранцы называют празднество «день барана».

Покупка барана — дело сложное. За несколько дней до праздника мужчины отправляются на базар, устраиваемый специально по этому случаю на большом городском пустыре, — туда из соседних деревень свозят крестьяне свой драгоценный блеющий товар.

Отобрать лучшего из сотен хороших баранов непросто. Баран не должен быть ни слишком старым, ни слишком молодым. Ощупывали рога, гладили по крутым шерстистым бокам. После того как барана съедят, его шкура, высушенная и вычищенная, станет украшением квартиры. Стоит баран дорого — 500—600 динаров. Попадались экземпляры и по 700—800. Купить такого могли не все. Алжирская печать отмечала, что кое-кто пытался превратить праздник в демонстрацию своего богатства. За богачами тянулись люди победнее. Пытаясь не отставать от соседей, они тратили на барана последние сбережения. «А ведь куда разумнее, — написали газеты, — просто пойти в этот праздничный день на рынок и купить больше, чем обычно, вкусного свежего мяса». Но традиция есть традиция, и погоня за баранами постепенно приобрела всеобщий характер. После покупки каждая семья старалась изо всех сил раскормить его еще больше. Бараны паслись на плоских крышах

домов, их блеяние раздавалось в подвалах, несло с балконов. Перед самым праздником цены на баранов поднимались еще выше.

И вот наконец настал этот день. Первая часть праздника целиком посвящена жертвоприношению. Баранов выводят на улицу и прямо около домов под радостные возгласы детей перерезают им горло. С туш сдирают шкуры, растягивают их на заборах или на дверях и прибивают гвоздями. Асфальт в городе покрывается темными пятнами. В домах жарят куски жирной баранины. По традиции большую его часть раздают беднякам, которые в этот день могли хоть немного поесть. Хотя не всякий возьмет этот кусок, не всякий признает себя бедняком. Много мяса остается несъеденным. Праздник продолжался до глубокой ночи. Лишь к утру сытая и веселая Батна безмятежно засыпала.

Батнинская погода

Я упомянул о том, что Батна — это два города: арабский и «европейский». Но есть еще и третья Батна. Она расположена в восточной части города, слева от узкой шоссе-дороги. Здесь нет кофеен, нет магазинов, нет и улиц. Третья Батна — это большая городская свалка, уставленная отслужившими свое ржавыми машинами, заваленная пустыми консервными банками. Если пройти мимо старого мусульманского кладбища, ворота которого всегда закрыты, то попадаешь в совершенно иной мир. Мир, живущий по своим, никому не ведомым законам. Всего несколько десятков семей. Почему они поселились здесь? Откуда пришли?

Я шел по шоссе, вдыхал непередаваемый «аромат» свалки и разглядывал ее «достопримечательности». Стены «домов», точнее, их немыслимо жалкого подобия, заменяли поставленные на ребро остовы легковых машин, вместо крыши — днище; иногда поверх него натягивали подобранную здесь же полиэтиленовую пленку. Мебель заменяли вытащенные из кабин кресла. Около жилищ паслись ослики со спутанными проволокой передними ногами. Над свалкой кружились стаи ворон и ястребов. Большие коричневатые птицы изредка камнем падали вниз за добычей. Попадались раздавленные змеи. Надо сказать, что государство предлагало обитателям свалки переселиться в другие места. Они имели возможность принять участие в строительстве Транссахарской авто-

мобильной дороги. На строительстве высокая зарплата, относительно сносные условия жизни. Но в Сахару ехать жители «третьей Батны» отказывались.

— Бездельники они тут все — так отозвался о живущих здесь людях знакомый алжирец, поведавший мне о том, какие делались попытки ликвидировать батнинское «дно». По-своему он прав: многие обосновавшиеся здесь мужчины уже привыкли к полуголодной, но зато праздной жизни и менять ее на нелегкую, пусть и хорошо оплачиваемую, работу не спешили.

В конце свалки шоссе изгибалось и спускалось к подножию поросшей лесом горы. Хоть гора и невысокая, но с ее вершины Батна видна целиком. Каждый, кто поднимается на гору, должен на ее вершине положить камень. Здесь их скопилась целая пирамида. Склоны горы поросли травой, среди которой бегали небольшие вараны. Самые крупные из них выползали на плоские камни и грелись на солнце. Заслышав шаги, они оборачивались и лениво уползали прочь. Местные жители говорили, что еще недавно в здешних пещерах обитали шакалы. Теперь, вспугнутые машинами, они перебрались в глубь гор.

Странствовавшие по этим местам в XIX веке путешественники писали о водившихся в изобилии львах. В то время львиная охота была одним из любимых развлечений офицеров колониальных гарнизонов. Теперь от львов остались лишь воспоминания. Единственным крупным животным, уцелевшим в округе Батны, оказался кабан. Охота на кабанов была запрещена, и занимались этим одни иностранцы. Коран не разрешает мусульманам не только употреблять свинину, но даже и выкармливать свиней.

Декабрь в Батне — месяц холодный и дождливый. Еще в середине октября перед наступлением холодов выпадает несколько теплых и солнечных дней, а потом с востока и севера приходят свинцовые облака, белыми шапками покрывают окрестные вершины и оттуда ведут наступление на город. Батна лежит в котловине, ветер в которую дует сразу с четырех сторон. И так же хлещет с утра до вечера холодный мелкий дождь. Зонт не спасает. Хорошо еще, если сильный порыв не выворачивает его наизнанку или не выдергивает из рук. От холода немного спасает длинный шерстяной бурнус или похожая на него накидка — кашабийя. Мужчины в бурнусах с капюшонами ходят на монахов.

А дождь все идет и идет. Иногда, впрочем, он замирает, но пауза может оказаться предвестницей ураганного ветра. Однажды, проснувшись, мы обнаружили, что ветер поломал деревья на улице и разбросал их ветки по мостовой. Порой он дул с такой силой, что было невозможно открыть входную дверь. Ветер врывается через балконы в комнаты, свистел под дверью. Электронагреватели не спасали, и мы устилали каменный пол в комнатах одеялами. В такие дни улицы пустынно. Из кофеен улетучивается их привычный уют. Там сыро и промозгло. В ноябре, случается, температура падает ниже нуля. Несколько раз шел снег. Держался он, правда, до полудня. Внезапно появлявшееся солнце растапливало его, но дети успевали слепить из белой липкой массы снежных баб.

Самое уютное место города в такую пору — души. Там всегда тепло и в изобилии течет горячая вода. В души, особенно в самый большой из них — «Эксельсиор», приходят поговорить, просто погреться.

Разместившийся в подвальном этаже дома «Эксельсиор» популярен еще и потому, что над ним располагается кофейня. Поднимаясь наверх, довольные посетители пьют горячий хлеб, чай, кофе.

Улицы, площади Батны, ее скверы покрывает жидкая грязь. Мокрые руки, мокрое лицо, вода проникает под плащ, не выдерживают самые прочные «мокроступы». Зимний холод северного побережья Африки! Как хотелось жары в этой Африке! Трудно поверить, но именно в Батне я отморозил палец, который с тех пор краснеет и пухнет при самом незначительном холоде.

Если перебороть отвращение к погоде, не побояться слякоти и ветра, взобраться на гору, ту самую, о которой я уже говорил, то можно увидеть яркое солнце, освещающее склоны гор, окрестные поля. Но это в противоположной от Батны стороне, если же взглянуть на город, то над ним по-прежнему толстая протекающая крыша облаков.

Батна — город насморка. Половина горожан чихает, половина гнусавит. Алжирский диалект становится и вовсе непонятным.

— Салям алейкум.

— Алейкум ас-салям.

Рук при встрече не подают, боясь вынуть из карманов обмерзшие пальцы. Из-под капюшонов торчат носы.

Упали доходы торговцев. Даже в «солидных магази-

нах». Торговцы скидывали цену редким покупателям. День почти не отличался от вечера. Облака садились даже на верхушку низкой телевизионной башни.

Откуда брался этот злобный ветер? Неужели и впрямь у него хватало сил добираться чуть ли не из Скандинавии? Несчастные акации, добрые хранители прохлады летом, стонали под его порывами. На площади перед муниципалитетом хлопала широкими листьями полумертвая пальма. По городу проходил тощий верблюд: зачем пришел он сюда из Сахары? На какую гибель гнали его продрогшие, завернутые в красные покрывала кочевники? Дети бежали за верблюдом с восторженным криком: джемаль! джемаль! (верблюд!).

В небольшом фонтане в сквере, куда летом приходили отдохнуть с детьми молодые папаши и мамыши, пропали золотые рыбки. С мая по октябрь скользили они вдоль стенок каменного водоема, словно подводный караван, а теперь исчезли. Быть может, их выловили голодные, невесть откуда появившиеся осенью бездомные кошки? Или они ушли на дно, надеясь, что там, в глубине, немного теплее, чем на поверхности?

А 1 января 1976 года, когда, проснувшись после новогоднего праздника, мы вышли на улицу, над нами сияло теплое улыбочное солнце, на небе не было ни единого облачка. Это было настоящее чудо. Весь декабрь лил дождь, стонал ветер. В январе зима взяла отпуск. Батна отдыхала от долгой непогоды. С недоверием поглядывали на голубое небо горожане. Они не верили солнцу и не сняли свои бурнусы. Просияв весь день, солнце преспокойно укатило за горизонт.

На следующий день оно опять появилось, подсушило листья. И вновь был удивительно прозрачный воздух. Легко дышалось. Но в душе жила тревога: наверное, все это ненадолго. Предчувствия оправдались. Прошло несколько дней, и на Батну вновь надвинулась серая зимняя мгла.

Тихая Батна

Осень и зима 1975/76 года в Алжире были полны политических тревог. Обострились отношения с Марокко в связи с проблемой Западной Сахары. Алжирское правительство поддерживало идею создания независимого сахарского государства и организацию, борющуюся за реализацию этой идеи,— Полисарио. (В 1976 году она

провозгласила Сахарскую Арабскую Демократическую республику). Марокко вело и продолжает вести против Полисарии войну. В январе — феврале 1976 года произошло несколько вооруженных столкновений между Полисарией и марокканской армией, крупнейшее из которых — битва под Амгалою. Примерно в это же время во многих алжирских городах прошли демонстрации в поддержку Полисарии. Состоялась такая демонстрация и в Батне. Несколько сот человек, в основном молодежь, прошли по улице Бискры, скандируя лозунги, ударяя в маленькие глиняные барабаны. Они стучали по машинам, хлопали в ладоши.

Некоторое время страна жила в беспокойстве. Ожидали новых стычек, происходивших неподалеку от алжирской границы. Потихоньку страсти улеглись, но сахарский вопрос окончательно не разрешен и сегодня.

В тихой Батне такая демонстрация — целое событие. Вообще отношение к политике в маленьком городе весьма своеобразное. Под покровом провинциального благодушия и мелких повседневных забот трудно различить сложные, зачастую медленно и противоречиво развивающиеся политические и социальные процессы в недрах алжирского общества, частью которого являются и батнинцы. Кажется, они сами удивлены тем, что их город может принимать какое бы то ни было участие в политике.

— Ничего здесь никогда не происходило и не происходит, — убеждал меня как-то раз в кофейне старик, проживший в Батне почти всю свою семидесятилетнюю жизнь.

— А революция? — не удержался я. — Ведь она началась в Батне.

— Революция, — старик улыбнулся. — Революция все перевернула. Поначалу странно казалось. Французы — сила, власть, армия! А мы что... В общем, их боялись и уважали. Некоторые даже любили. Знаешь, как собака хозяина: хоть и плохой хозяин, а кормит. Не все тогда поддержали восстание. Одни боялись, другие в успех не верили. В Батне после тех первых выстрелов вскоре опять наступило затишье. А потом, бог ты мой, как все раскачалось. Странно, но нас стали бояться. Батна уж на что тихий город, а и в ней беспокойно было.

Старик говорил не спеша, внимательно следя за выражением моего лица. Он знал, что я из Советского Со-

юза, знал, что наша страна поддержала алжирскую революцию, но в глубине души он всегда помнил, что разговаривал не с мусульманином, а с иноверцем.

— Вокруг Батны было много отрядов муджахидов. Дороги блокировали, нападали на небольшие французские отряды. Французы начали лес на горах выжигать, газ нагонять в пещеры, где, думали, муджахиды скрывались. Много тогда погибло женщин, детей, которые вместе с партизанами ушли.

Муджахиды тоже озлобились. Кое-кто стал говорить, что все немусульмане — враги, что настало время перерезать всех христиан. Ты был на христианском кладбище — там есть могилы французов, итальянцев, которые сотрудничали с карателями. Их вот убили. Кровь сначала капала, а потом потекла. Были напрасные жертвы...

Я заглядывал на маленькое аккуратное кладбище на окраине города. Там никогда не было посетителей. Между могилами, по краям дорожек цвели мелкие белорозовые маргаритки. Над некоторыми могилами стояли памятники. Запомнился один из них: женщина в полный рост, закутанная в покрывало, спускалась по ступенькам. В сумерки памятник пугал. Слишком хорошо поработал скульптор, поставив над мертвой такую живую статую. Старый кладбищенский сторож, у которого бесчисленное количество детей — одних дочерей восемь, — поведал о том, что раз (а то и два) в год приезжают сюда итальянцы и французы навестить родных, покоящихся под гладкими могильными плитами. Они стараются не останавливаться в городе, где прошло их детство и юность. Ночуют в Константине, в 118 километрах от Батны. В прошлом веке почтовый дилижанс шел из Константины в Батну по разбитой дороге целую ночь. Сейчас сюда — полтора часа на автобусе.

Наверное, бывшие батнинцы испытывают странное, мало кому знакомое чувство: у них нет больше родины, а та страна, которую они считали своей, принадлежит другим людям, живущим по другим законам, говорящим на чужом для них языке. О чем думают эти изгои, проходя по бывшим родным улочкам, видя в «Режане» фотографии кинозвезд своей молодости? Они приезжают домой. Домой, ибо на этих улицах, чем-то напоминающих улицы Тараскона из грустной книги Альфонса Додде, многое осталось по-старому. Только там живут другие люди.

Алжирские европейцы... Евроалжирцы. Среди них было много искренне считавших, что за все содеянное ими для Алжира он обязан вечно благодарить их. Евроалжирцы, не мыслившие жизни без Алжира. Они не могли постигнуть смысла алжирской революции. Им угрожали оасовцы⁷, не верили мусульмане. Они барахтались в бурном потоке революции, вынесшем их, ослепленных, озлобленных, из Алжира.

Состояние этих людей тонко ощутил известный алжирский писатель Мулуд Фераун в книге «Дни Кабилии»: «Похоже, что теперь, после столь долгого общения с нами, французы присвоили себе наш пресловутый фатализм и предоставляют судьбе — мектуб — заботу о разрешении главного и единственного вопроса: сохранить или потерять Алжир»⁸.

— Победа, — продолжал старик, — досталась нелегко. Полтора миллиона алжирцев погибло. А сколько раненых, покалеченных! Они нас не щадили. Понятно, что когда мы наконец победили, многие хотели избавиться даже от всякого воспоминания о французах и избавлялись. Главный собор Батны, нашу «Бастилию», мы сломали чуть ли не за несколько дней. Теперь на его месте площадь. Памятник французским солдатам первой мировой войны перенесли из центра города на кладбище.

— Послушай, — обратился он ко мне, — приходи первого ноября, в годовщину революции, на улицу Бискры. Посмотришь, какими мы были, когда воевали с французами.

— ?

— Да, да. Я тоже воевал в этих местах. И, говорят, неплохо воевал. Теперь, конечно, мы постарели. Не много нас вообще уцелело с той поры. Сейчас государство заботится о ветеранах революции. Есть даже специальное ведомство, охраняющее их интересы. Большинство муджахидов продолжают работать, занимаются по мере сил общественной деятельностью. Тот, кто уже в возрасте, выбирает себе дело попроще и поспокойнее.

Первого ноября я вышел на улицу Бискры. По ней уже шествовали участники демонстрации. Шла колонна рабочих в новеньких голубых касках. За ними школьники, несмотря на дождь, голосистые и нарядные. Прошли

⁷ ОАС — действовавшая в 60-е годы во Франции и в Алжире фашистская военно-политическая организация.

⁸ *Мулуд Фераун. Дни Кабилии. М., 1981, с. 217.*

студенты — они били в маленькие глиняные барабаны и скандировали лозунги. Потом наступила очередь военных. И вот на улице появились муджахиды — знаменитые алжирские партизаны. Они шли с достоинством, несколько десятков человек, уцелевших в кровавой войне. Они шли одетые так, будто только что спустились в Батну с гор, покинув глубоко спрятанные от врага убежища.

Они были вооружены тем оружием, которым сражались против колонизаторов. У некоторых за поясом торчали пистолеты, висели за спиной винтовки. Моложавый плотный человек в темных очках, в покрытой бурыми пятнами форме парашютиста пронес базуку (противотанковое ружье). Где сейчас покоятся кости французского десантника, чей костюм пришелся впору алжирскому партизану? Мальчик вел слепого, закутанного в светлый бурнус старика. Шла седая женщина с высоко поднятой головой, за плечами — старинная винтовка. Я всматривался в лица и с удивлением узнавал многих людей, которых часто встречал на улицах Батны, тихой Батны.

В первом ряду муджахидов я увидел своего нового знакомого, с которым говорил о революции. Его бурнус был перетянут широким ремнем, на котором висела кобура. Слева на боку — в черных ножнах с голубым шариком на конце — изогнутый кинжал. Он держал руку на кобуре, словно проверяя, есть ли в ней оружие.

Моросил осенний дождь. Было холодно и сыро, и я подумал, как тяжело в такую погоду жить в горах, в пещерах полуголодным, вечно преследуемым противником.

Революция, о которой я так много читал и слышал, проходила по главной улице Батны. Революция, начавшаяся на улицах маленькой, мало кому известной, не любимой своими обитателями Батны.

Иногда мне представлялось, что я приехал в Батну очень давно, совсем ребенком. Порой я проклинал этот пыльный летом и вечно сырой зимой городишко. Когда по истечении двух лет я последний раз проходил по его улицам, то чувствовал себя так, словно уезжал из родного дома в далекое путешествие.

Свистнул поезд, точно так же, как в день приезда. Я даже не успел сказать Батне: «До свидания!»

БЕСЕДЫ В БЕНГАЗИ

Бенгази на дорогах истории

Каир — самый большой город в Африке. Батна, быть может, самый обычный. А Бенгази? Бенгази — где-то посредине. В прямом и переносном смысле. Тысяча километров до Каира, тысячи полторы до Батны. Находится он в Ливии, то есть между Египтом и Алжиром. Население — раз в три больше, чем в Батне, и раз в 20 меньше, чем в Каире. Точно сказать нельзя. Статистика на Востоке вообще весьма приблизительна.

Бенгази, второй по величине город Ливии с населением около 400 тысяч человек, расположен в северо-восточной части страны. Он стоит на западной оконечности далеко вдающегося в Средиземное море мыса. К востоку от Бенгази поднимаются невысокие, покрытые густым лесом горы Джебель аль-Ахдар. На севере простирается однообразная полоса побережья, вдоль которого проходит широкая автомобильная магистраль. У города Аждабия берег изгибается, и дорога резко поворачивает на запад — прямо на Триполи. Если ехать из Бенгази до Аждабии, а от нее дальше на юг, то можно попасть в Сахару, в область Каланшо, где сосредоточены основные запасы ливийской нефти.

Нефтепроводы до морского берега проложены западнее Бенгази. В бенгазийский порт танкеры не заходят. Они «пасутся» на рейдах Марсы аль-Бреги и ас-Сидера, двух городков, мимо которых, почти не сбавляя скорости, проносятся машины по магистрали Триполи — Бенгази. Впрочем, некоторые компании начали разведку нефти чуть ли не у самых берегов Бенгази. В море стоит неуклюжая, на круглых опорах станция нефтеразведки. Найдут ли здесь нефть? Это дело будущего, а пока обратимся в прошлое.

В 630 г. до н. э. грек по имени Батт основал на южном побережье Средиземного моря колонию, названную Киреной. Его потомки составили целую династию, правившую несколько десятилетий, а потом подчинившуюся египетским Птолемям. В период правления Птолемея территория Ливии как бы была поделена на две части: на западе обосновались финикийцы, на востоке прочно утвердились греки. Вместе с Киреной греки основали здесь пять городов — Аполлонию, Барку, Токру и Геспериды, — имевших общее название Пентаполис (Пятиградье).

От Гесперид и ведет свое происхождение Бенгази.

Птолемей III Эвергет (247—221) переименовал Геспериды, назвав их в честь своей жены Береникой. Береника была самым западным городом Пентаполиса, его передовым постом, и ее жители часто отражали набеги кочевников из глубин Африки.

С приходом на эти земли римских завоевателей Пятиградье пришло в упадок. Разрушались города, а жители их постепенно переселились кто куда: кто западнее — поближе к новым, теперь уже римским колониям, а кто восточнее — в Египет. В VI веке н. э. византийский император Юстиниан укрепил Беренику, тщетно надеясь превратить ее в опорный пункт империи в Северной Африке. Но Береника так и не смогла устоять перед натиском — теперь уже с востока. В VII веке в этих местах впервые появились арабы.

Начинается новый период истории Ливии. Город получил новое название по имени мусульманского марабута — святого Бен Гази, происходившего из племени того же названия. Могила марабута находится на северной окраине Бенгази.

Вплоть до XVI века Бенгази управлялся в основном арабскими и мамлюкскими наместниками Египта, на некоторое время попадая под господство могущественных магрибинских династий — Фатимидов в X—XI веках и Альмохадов в XII веке. Великий арабский путешественник и географ XII столетия аль-Идриси вообще не упоминает бывшую Беренику как город. В его знаменитом труде «Описание северной и сахарской Африки» Береника именуется «местностью».

В XVI веке территория Ливии попала под турецкое господство. Она была объявлена частью Османской империи и разделена на три санджака (более мелкая единица административного деления). Бенгази стал

центром одного из них — Киренаики. В то время в городе проживало несколько тысяч человек, занимавшихся торговлей и обслуживанием караванов.

С конца XVI века политическое и экономическое значение города стало быстро возрастать. В 1587 году бенгазийцы поддержали антитурецкое восстание Яхьи бен Яхьи, выступившего против резни янычарами мусульманских паломников в Таджуре (в нескольких километрах от Триполи). Опасаясь новых волнений, янычары в 1635 году построили в Бенгази форт и ввели туда турецкий гарнизон.

В 70-е годы XVIII века в Бенгази вспыхнуло новое антитурецкое восстание горожан, недовольных деспотизмом наместников, присылаемых из Триполи.

Чем занимались бенгазийцы? В основном ткачеством. Ткали шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти. Да еще занимались чеканкой. Росли доходы. В 1820 году Бенгази уплачивал Триполи налог в 50 тысяч пиастров — сумма по тем временам весьма солидная.

Постепенно город становился важным центром караванных дорог из глубин Африки к Средиземному морю. Задолго до начала XIX века Бенгази стал одним из центров работорговли. Рабы доставлялись сюда из Сахары, прежде всего из султаната Вадаи. В 1849 году, например, по сообщению вице-консула Великобритании, в Бенгази прибыло в общей сложности 800 рабов, 400 человек погибло при переходе через Сахару. Торговля рабами продолжалась вплоть до конца XIX века.

Тогда же началось проникновение в Ливию итальянцев. В Бенгази они построили миссионерские школы, и католические священники высматривали места для церквей. В 1888 году здесь была учреждена первая итальянская торговая компания, в 1905 — открылось отделение Банко ди Рома. Обделенная при разделе Африки итальянская буржуазия стремилась наверстать упущенное на востоке Африки (в Эфиопии и Сомали) и на южном побережье Средиземного моря. 28 сентября 1911 года Италия предъявила Турции ультиматум, в котором говорилось о необходимости приобщения ее к цивилизации. Непосредственно вслед за ультиматумом началось «приобщение к цивилизации» турецких владений в Северной Африке.

Одним из первых атаке подвергся Бенгази. После обороны города 19—21 октября 1911 года его защитники вынуждены были отступить. Город оказался во власти

итальянских колонизаторов. Но поражение турок еще не означало завоевания страны. Италияцы натолкнулись во внутренних областях на мощное сопротивление арабских и берберских племен, руководимых религиозным братством сенуситов¹. Потерпев от ливийских патриотов несколько поражений в 1913—1917 годах, итальянцы вынуждены были пойти на переговоры, признав эмиром Киренаики главу сенуситов Мухаммеда Идриса аль-Махди ас-Сенуси, а правительством запада Ливии (в 1919 году) — Исполнительный совет Триполитанской республики. Закрепив все это в договоре 25 октября 1920 года, итальянцы сами же его нарушили: пришедший к власти осенью 1922 года в Италии фашистский режим Муссолини возобновил кровопролитную войну против патриотов Ливии.

Однако последующие события показали, что ливийцы не смирились ни с колониальным захватом своей страны, ни с ее разделом. Одним из центров сопротивления стал Бенгази. Именно в Киренаике, в Джебель аль-Ахдаре (в окрестностях Бенгази), развернулась героическая эпопея Омара аль-Мухтара, талантливого полководца, нанесшего тяжелые поражения итальянской армии. Лишь в 1931 году отряды Омара аль-Мухтара были разгромлены, а сам семидесятилетний полководец был взят в плен, доставлен в Бенгази и там повешен.

На одной из бенгазийских площадей неподалеку от улицы Павших героев стоит мавзолей Омара — шестиугольник с овальными окнами. По вечерам вспыхивают вокруг него разноцветные лампочки. Возле мавзолея разбит скверик.

Итальянцы «осваивали» Бенгази, стремясь превратить город в свою опорную базу. С 1934 по 1937 год они реконструировали порт, проложили асфальтированное шоссе. В 1939 году они формально аннексировали Бенгази, провозгласив его «итальянским» городом. Муссолини рассматривал Киренаику как свою собственную вотчину. Неподалеку от развалин древнего греческого города Кирена дуче велел построить себе виллу — аляповатое и совершенно не вписывавшееся в местный пейзаж строение.

Когда началась вторая мировая война, Бенгази ока-

¹ Братство было основано в Мекке в 1837 г. алжирским бербером-марабутом Мухаммедом Ибн Али-ас-Сенуси и, укрепившись с 1855 г. в Киренаике, превратило ее в свою основную базу. В 1870 г. сенуситы основали завью (крепость-обитель) в Бенгази.

зался чуть ли не в самом центре боев за Северную Африку. Через него на восток, в Египет, шли дивизии палача ливийских повстанцев маршала Грациани, а затем — танки германского «Африканского корпуса» генерала Роммеля, прозванного Лисицей пустыни именно за хитроумные маневры в песках Ливии. Город неоднократно переходил из рук в руки, две тысячи раз подвергался воздушным бомбардировкам и был окончательно захвачен англичанами в конце 1942 года.

О прошедшей войне напоминает в Бенгази небольшое солдатское кладбище. Здесь похоронены все вместе — и мусульмане и христиане. Они были солдатами. Умри они у себя на родине, их никогда не положили бы рядом. Могилы христиан и мусульман не могут находиться вместе. Война не спрашивала у солдат об их вероисповедании. Ровными рядами стоят кресты над христианами, над могилами мусульман — каменные, обращенные в сторону Мекки столбы. В центре кладбища высокий крест, напоминающий воткнутый в землю меч.

После войны Бенгази продолжал оставаться центром политической активности. Здесь формировались политические организации, выступавшие за независимость Ливии. Но активнее и влиятельнее всех были сенуситы. Возглавлявший их Мухаммед Идрис ас-Сенуси даже предпринимал попытки сделать Бенгази столицей будущей независимой Ливии и в 1947 году учредил здесь свою резиденцию. В 1951 году Ливия была провозглашена независимым государством. Ее королем под именем Идриса I еще раньше, в декабре 1950 года, был объявлен Мухаммед Идрис ас-Сенуси. Бенгази наряду с Триполи стал одной из двух столиц новой монархии, а 25 марта 1952 года именно в Бенгази состоялось открытие ливийского парламента.

Обретение независимости не решило сложные стоявшие перед страной проблемы: отсталость, отсутствие прочной экономической основы, социальные противоречия. Недовольные внешней и внутренней политикой короля, коррупцией, полицейским режимом, бенгазийцы не раз выходили на улицы, чтобы выразить свой протест, несмотря на репрессии. В стране назревал кризис, приведший к революционным событиям 1 сентября 1969 года, полностью изменившим лицо страны. На месте теократической монархии возник республиканский режим, объявивший о своей солидарности с революционными и патриотическими силами арабского мира.

Гар-Юнис

В Ливию я попал в 1980 году в составе одной из групп экспедиции Института физики Земли АН СССР. Группа по изучению исторических землетрясений под руководством кандидата физико-математических наук И. В. Ананьина состояла из шести сотрудников ИФЗ АН СССР, АН АЗ ССР, Института востоковедения АН СССР. Предстояло поднять множество источников на разных европейских и арабских языках в целях исследования проявлений сильных землетрясений в Ливии. Необходимо было также выявить, где и какие из разрушений были вызваны природными явлениями, а какие — войнами, восстаниями и другими социальными катаклизмами, чтобы дать заключение о сейсмоопасности местности, где должно развернуться большое гражданское строительство.

Наша группа работала во многих городах Ливии, исколесила побережье от Триполи до Марсы Сусы, стоящей на месте античной Аполлонии, углублялась в Сахару. Особенно часто навещали мы Бенгази, где в общей сложности прожили больше двух месяцев.

Впервые мы прилетели туда в сентябре на «Боинге» ливийской авиакомпании с тунисским экипажем. Полет длился около часа. Почти столько же, сколько от Москвы до Ленинграда. Летели над заливом Большой Сирт, широким полукругом вдающимся в ливийский берег.

Бенгази появился неожиданно; сверху он казался очень маленьким. Вплотную к его кварталам подступала желто-бурая с красными подпалинами пустыня. Сделав круг, самолет резко пошел на снижение. Еще минута — и мы шагнули на нагретый асфальт бенгазийского аэропорта Бенина... Градусник показывал 30 градусов жары. После промозглой погоды Триполи она показалась приятной.

Разобрав у багажных тележек свои чемоданы, мы, не теряя времени, покатали в сторону города. По дороге нас обогнал кортеж автомобилей только что приземлившегося в Бенгази короля Саудовской Аравии Халеда. Коронованная особа торопилась в свою резиденцию.

Пропустив короля, мы продолжили путь и вскоре остановились возле четырехэтажного дома, арендованного советскими буровиками, помогавшими в соответствии с советско-ливийским соглашением наладить в стране до-

бычу нефти, и специалистами по сельскому хозяйству, составлявшими карту почв Ливии.

Утром следующего дня мы отправились в университет Гар-Юнис, названный так по расположенному неподалеку селению. Создан университет был на базе бенгазийского Политехнического и Искусствоведческого колледжей. Кроме того, в 1967 году с университетом были объединены ряд колледжей Триполи, а в 1971 году — Колледж арабо-исламских исследований в Бейде.

Таким образом, все высшие учебные заведения Ливии образовали как бы единый университет, факультеты которого находились одновременно в Триполи и в Бенгази. В январе 1973 года в Бенгази был открыт Научно-исследовательский центр. В августе 1973 года все триполийские факультеты были объединены в университет, названный в честь революции 1969 года университетом Первого сентября, а бенгазийские, с факультетом в Бейде, — в университет Гар-Юнис. В состав Гар-Юниса вошли, таким образом, 10 факультетов, на которых обучалось свыше 10 тысяч студентов.

Новое здание университета построено в 1974 году. Разработали его проект английские архитекторы, а строили специалисты из Югославии и ФРГ. Невысокие здания расположены на первый взгляд хаотично. Окончательно я разобрался в планировке Гар-Юниса лишь с помощью снимка сверху. На самом деле он построен очень симметрично. В центре — учебные корпуса, образующие почти идеальное кольцо, состоящее из 12 массивных «отсеков». К ним пристроены конференц-залы, стены которых окрашены в красный цвет. Справа и слева от учебных корпусов — трехэтажные общежития, сзади — овальной формы библиотека. На общежития «одеты» специальные бетонные рамы, предохраняющие комнаты от прямых солнечных лучей.

Симметрию нарушает здание ректората, находящееся в восточной части университетского городка. К нему ведет шоссе, разделенное на две полосы мелким бассейном.

Корпуса факультетов, библиотеки и общежитий соединены переходами, защищенными козырьками. В середине университетского двора разбит сад, деревья растут и вдоль корпусов.

Перед университетом — автомобильная стоянка. Студенты не ходят в Гар-Юнис, а лихо подруливают к нему на машинах. Нефтяные богатства Ливии превратили

автомобиль из роскоши в средство передвижения. Девушек и молодых женщин в храм науки подвозят их отцы, мужья, братья. Студентки носят брюки. Появляться на занятиях в юбках им запрещается.

Во всех учебных помещениях университета микроклимат: и в жару, и в прохладную сырую погоду здесь поддерживается приятная комнатная температура. Библиотека располагает четвертью миллиона книг. Они не запрятаны в далекое хранилище, а стоят на открытых просторных стеллажах. Чтобы взять книгу, не требуется выписывать никакого требования. Мы приходили и брали с полки все, что нужно. Столы в библиотеке не расставлены, а как бы небрежно рассыпаны между стеллажами. У одного стола — два стула, у другого — только один. Отсутствие жесткого порядка в библиотеке делало ее похожей на большой, предоставленный в твое собственное распоряжение кабинет. Это давало возможность для столь необходимого в работе уединения. Здесь можно было укрыться за книжной полкой от посторонних глаз, немного пройтись, никому при этом не мешая.

Библиотека занимает два этажа и подвал. На первом этаже — книги на арабском языке и каталоги. Здесь же находится и зал периодики. На его стендах много разнообразной печатной продукции, но читателей в основном интересовали яркие иллюстрированные журналы.

Второй этаж отведен под литературу на европейских языках. Широкий коридор делит его на два зала: первый — для «технарей», второй — для «гуманитариев». Не знаю, как обстоит дело с естественными и точными дисциплинами, а полки с трудами по истории, литературе и философии вызывали досаду. Во-первых, своей скудостью, во-вторых, преобладанием малоценных работ и западных изданий преимущественно пропагандистского характера и, наконец, неразрезанными страницами у доброй половины книг. Хотя учебный сезон уже начался, библиотека Гар-Юниса отнюдь не была переполнена студентами, не торопившимися с возвращением в университет.

В библиотеке очень интересный справочный отдел. О его хранителе, докторе Кутейте... — рассказ особый.

В подвальном этаже хранились старые периодические издания, полузабытые ежегодники, толстые научные журналы. В подвале сидел маленький добродушный

человек, угощавший редких посетителей его «подземелья» сигаретами.

Взяв книгу, не обязательно ставить ее на место. Библиотекарь делает это сам или, по желанию читателя, оставляет у себя до следующего дня. На выходе у турникета два контролера равнодушно взирают на проходящих читателей. Некоторые идут в читальный зал с портфелями, кейсами.

— Много ли воруют книг? — спросил я однажды библиотекаря.

— А зачем их воровать? — ответил он вопросом на вопрос.

Заведующий справочным отделом Кутейт, услышав тот же вопрос, только покачал головой:

— Таскают, конечно, таскают, только для чего им это надо.

Доктор Кутейт

Когда бы ни заходили к Кутейту, он сидел в кресле, поглаживая правой рукой широкую аккуратную бороду и вдохновенно глядя в арабскую рукопись, испещренную пометками. Внешность Кутейта не вязалась с гладкими столами библиотеки, японскими наушниками, копировальными машинами и микроклиматом. Казалось, он забрел сюда из XVII века, когда Бенгази был центром караванной торговли и на его улицах вспыхивали мятежи против наместников турецкого султана. Белоснежная сорочка и галстук явно не шли к его бороде. Он походил на средневекового мудреца. Вот сейчас он оторвется от чтения, приласкает растрепавшуюся бороду и изречет...

Кутейт неторопливо поднимал глаза от книги:

— Салям алейкум!

— Алейкум ас-салям, — отвечали мы и проходили на свои рабочие места.

Почти всегда коротая время в одиночестве, Кутейт радовался возможности поговорить с кем-нибудь, и мы стали внимательными слушателями и собеседниками. Охотнее всего он беседовал с Мишей Роциным, обладателем почти такой же, как у Кутейта, бороды и степенного неторопливого характера. В перерывах Миша подсаживался к Кутейту, и начинался разговор. Говорил в основном Кутейт. Миша молчал, уставившись на

кончик своей бороды. Казалось, встретились два восточных философа, которым есть что сказать не только друг другу, но и всему человечеству.

Кутейт утверждал, что ведет свое происхождение от одного из бедуинских племен Сахары, поселившихся на побережье в прошлом веке. Он возводил свою родословную чуть ли не к гарамантам, загадочному народу, неизвестно откуда пришедшему в Сахару в начале I тысячелетия и непонятно куда исчезнувшему в VII веке н. э. Миша, успевший вдоволь начитать книги и статей о гарамантах, быстро уверовал, что перед ним живой потомок некогда могучего народа, и с каждым разом внимал Кутейту все с большим почтением.

Между тем выяснилось, что отдаленный потомок гарамантов — ревностный мусульманин, следовал всем обычаям и традициям ислама. Кутейт никогда не пропускал время молитвы, исправно посещал мечеть. Почтенный доктор имел трех жен, живших между собой, по его словам, в мире и согласии.

Как-то Кутейт обмолвился, что пишет книгу. Мне показалось неудобным расспрашивать о ее содержании, хотя и было очень интересно узнать, над чем он работает. Кутейт молчал, раздумывая, стоит ли рассказывать о своих замыслах. Потом вздохнул и, видимо, решившись, произнес:

— Я хочу написать о наших традициях, о том, какое значение имеет их сбережение для общественного развития. Будущее нашего общества во многом зависит от того, сколь правильно и разумно сумеем мы использовать наше прошлое. А наше прошлое складывается из двух элементов: того, что было накоплено арабами в доисламскую эпоху, и арабо-мусульманской цивилизации. Сейчас многие хотят идти вперед, даже не идти, а бежать без оглядки. Все гонятся за экономическим прогрессом. А не лучше ли оглянуться и посмотреть, не существовало ли то, что мы называем справедливостью и равенством, еще во времена пророка Мухаммеда? Прогресс может заключаться и в восстановлении всего хорошего, что было в нашей истории и погибло с приходом колонизаторов.

Кутейт сделал паузу.

— Главное, ничего не забыть — ни гарамантов, ни ислам...

Кутейт говорил, и чувствовалось, как он хочет, чтобы мы, его собеседники, поверили: для него это отнюдь не

академическая, а живая проблема судьбы молодого поколения ливийцев, быть может, его собственных детей. Вопросу, который затронул Кутейт, посвящено множество работ исследователей, мусульманских богословов-улемов, но только теперь, беседуя с Кутейтом, мы особенно остро почувствовали, как много он значит для мусульман, мучительно размышляющих о путях развития общества.

Мы редко покидали библиотеку, но иногда ради любопытства заглядывали и в другие помещения университета. Гар-Юнис удобен и для работы, и для жилья. Здесь, как в любом крупном учебном заведении, есть кафе, почта, даже свой банк. В прекрасном актовом зале часто проходят встречи, научные конференции. На одну из таких конференций попали и мы. Точнее сказать, не попали, а зашли посмотреть. Конференция эта была посвящена «Зеленой книге»² — главному идеологическому и теоретическому документу Ливийской Джамахирии³, в которой изложены основные принципы «Третьей мировой теории» лидера ливийской революции Муаммара Каддафи.

Конференция собрала много представителей из Европы, Австралии, Азии и Африки. Пустили туда и студентов Гар-Юниса. Обстановка в зале была достаточно свободной. Люди вставали, переходили с места на место. Многие разговаривали в полный голос. Воспользовавшись таким демократизмом, мы немного постояли возле трибуны, послушали несколько выступлений, а потом, не желая выглядеть непрошеными гостями, удалились. Газеты писали, что конференция прошла с большим успехом.

Отдельные изречения из «Зеленой книги», ставшие настоящими лозунгами, нередко встречались на площадях и улицах ливийских городов, на стенах кофеен и магазинов. Ими начинались статьи в газетах. Особенно часто попадались три изречения: «Нет демократии без народных собраний!», «Свобода выражается в удовлетворении потребностей!» и «Партнеры, а не наемные рабочие!». И еще один лозунг — уже не из «Зеленой кни-

² Зеленый цвет — цвет ислама. Мусульманский пророк Мухамед выступал под зеленым знаменем.

³ Официальное название Ливии — Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. «Джамахирия» — арабское слово, происходит от слова «джамахир» — «массы».

ги», но тем не менее также широко распространенный: «Коран — наш закон».

Ислам оказывает огромное воздействие на ливийское общество, на мировоззрение и психологию ливийцев, он — важная составная часть официальной идеологии Джамахирии. По всей стране строятся новые белые мечети. Возводилась мечеть и в Гар-Юнисе. Над ее сооружением трудились специалисты из Югославии и ФРГ. Незаконченный купол мечети чем-то напоминал остов воздушного шара; по каркасу осторожно передвигались рабочие, у стен внизу ходили туда-сюда грузовики, вращались бетономешалки.

Рассказывая о строительстве мечети, Кутейт сделал любопытный вывод:

— В том, что мечеть нам помогают строить христиане, я вижу символ величия ислама, сумевшего сплотить ради свершения благого дела и правверных и христиан. Я вижу в этом доказательство истинности мусульманской веры. Какая еще религия способна так объединять людей?!

Мы не спорили. Тем более что разговор, так или иначе затрагивавший религиозные проблемы, мог стать поводом для длительного сольного выступления почтенного хозяина справочного отдела, а временем мы не располагали: рабочий день в Гар-Юнисе заканчивался часа в два-три.

Хадж Мухаммед

Спустя некоторое время мы оставили дом, где обитало большинство советских специалистов, и переехали в другое жилище — трехэтажный коттедж в западной части Бенгази. Местность вокруг него называлась пляжем Джулианы, по имени бывшей владелицы этих земель. Синьоре Джулиане принадлежали лучшие пляжи города, куда ливийцев в прежние времена не пускали. Пляжи делились на две части. Одна половина была отведена под «семейный пляж». Сюда же пускали и одиноких женщин. Мужчинам без жен и детей вход на «семейный пляж» строго воспрещался. Не разрешалось даже заплывать в его акваторию. Бдительные сторожа со свистками немедленно изгоняли нарушителя.

Ливийские женщины плескались в облегающих длинных до пят рубашках, заменявших им обычные купальники. Что поделаешь! Таковы требования ислама.

Соседний пляж был отдан молодежному спортивному клубу. Туда дозволялось ходить всем. Мелкий песок с разноцветными камешками и раковинками; вдоль берега душевые колонки с теплой водой, чтобы смывать морскую соль. Средиземное море очень соленое — кожу после купания прямо-таки стягивает. У берега оно мелкое: можно проплыть 100—150 метров, а потом встать и пройти по неровному, с множеством ям, покрытому скользкими камнями дну.

Море приносило в нашу квартиру чудный йодистый аромат. Приятно было встать ранним утром и хоть несколько минут посмотреть на безмятежную голубую воду. Из нашей квартиры виднелись десятки судов — квадратные контейнеровозы, сухогрузы, лесовозы, — по целым неделям качавшиеся на рейде бенгазийского порта. Вход в город иностранным морякам был категорически воспрещен. Их появление могло отрицательно сказаться на нравах жителей города. Представляю, что испытывали матросы, издали разглядывавшие эту «неприступную крепость». Сравнение с крепостью не случайно. Издалека стоявший на набережной с противоположной стороны бухты отель «Омар Хайям» и впрямь походил на таинственный замок. Особенно на закате, когда солнце освещало его верхние этажи, а нижние казались черной мрачной скалой. По ночам на берегу зажигался яркий огонь сооруженного еще в XIV веке маяка, по форме напоминавшего массивную, составленную из трех кубов пирамиду. Свет маяка был хорошо виден и в самом городе.

Наша новая квартира состояла из трех комнат, лоджии, крохотной, метра четыре, кухни и большой ванны, вода в которой текла далеко не всегда и была невероятно соленой и отвратительной на вкус. Пить ее оказалось невозможно ни в сыром, ни в кипяченом виде. Она превращала в противное пойло и ароматный чай, и кофе. Да что там пить! Даже полоскать рот этой жидкостью было неприятно.

Пришлось возить питьевую воду в тяжеленном бидоне с противоположного конца города. Ее доставали из глубокого артезианского колодца, находившегося в нескольких километрах от побережья. (В прежние времена колодцы здесь рыли глубиной всего в один метр.) В Бенгази планировали создание единой водопроводной сети. Ведь в городе есть районы, где нет даже такой воды, как у нас.

Хозяина нашего дома звали Хадж Мухаммед аль-Гадамси. Приставка «Хадж» свидетельствовала о том, что ее обладатель совершил паломничество в святые города мусульман Мекку и Медину, а «аль-Гадамси» указывало на то, что род Мухаммеда происходил из старинного ливийского города Гадамеса, расположенного на западе страны недалеко от пересечения границ Ливии, Туниса и Алжира.

Хадж Мухаммеду перевалило за шестьдесят. Худощавый, невысокого роста, почти всегда одетый в светлую рубашку, немного коротковатые, мешком сидевшие брюки, он много курил, глубоко затягиваясь. Хадж Мухаммед был человеком состоятельным. Имел большой дом, тот самый, в котором мы жили, и трех жен. Двум своим старшим сыновьям Хадж Мухаммед дал высшее образование: один работал инженером в Триполи, второй преподавал в Гар-Юнисе, кажется, историю. Третий сын еще учился. Дочерей Хадж Мухаммеда сосчитать нелегко. Девчонки были ужасно любопытны, и всякий раз, проходя по первому этажу, где жила семья нашего хозяина, мы слышали скрип открываемой двери, а затем шушуканье и негромкий смех.

На первом этаже располагалась гостиная, где Хадж Мухаммед принимал друзей и знакомых. На втором — личные апартаменты хозяина, а на третьем — две квартиры, которые он сдавал постояльцам. Дом квадратный, с крохотным внутренним двориком, окруженным высокими стенами. Получался своеобразный колодец, вентилировавший все помещения. Такой «колодец» имеется почти в любом двух- и более этажном североафриканском доме. В «колодец» выходили окна кухонь и туалетов.

Особенностью дома была его иногда выходившая из строя электропроводка. Как-то раз нам пришлось помогать Хадж Мухаммеду чинить ее, и это послужило поводом для знакомства. Хозяин, которого мы прозвали «нашим шейхом», оказался на редкость словоохотливым собеседником. Его рассказы представляли собой удивительную смесь наблюдательности, житейского здравого смысла и, по-видимому, некоторой выдумки.

Хадж Мухаммед прожил бурную интересную жизнь. Родился в Гадамесе — когда, точно не знает, — учился в коранической школе. Скорее всего «свои университеты» он проходил в одной из завий сенуситского братства. Во время войны служил сначала в итальянской

армии, а потом во французской. Большую часть службы провел в Фецдане: «Служил с одним французским генералом». После этих слов — а Хадж Мухаммед пересказывал нам историю своей жизни далеко не один раз — он всегда почему-то переходил на сносный для старого ливийца французский язык. После войны побывал в Париже, в Италии... Женился... Дети — его главная забота. Он дал им хорошее образование. У него прекрасные сыновья. Он гордится ими.

Хадж Мухаммед рассуждал на самые разные темы, но коньком его оставалась политика. Вскоре мы узнали, что он — председатель народного комитета своего района.

— О, меня здесь все знают. Я давно в Бенгази. Собственно говоря, революция прошла у меня на глазах. Да я в ней участвовал. Это воистину великое событие. Именно здесь, у нас в Бенгази, решалась судьба революции (речь шла о революции Первого сентября 1969 года). Наша революция едва ли не единственная, которая прошла без крови.

По замыслу Муаммара Каддафи и его соратников, революция должна была осуществиться одновременно в нескольких крупных городах, в том числе и в Бенгази. События в Бенгази, где находился сам Каддафи, разворачивались следующим образом. Время «Ч» было назначено на 2.30 первого сентября (в Триполи на час ночи). Решающий удар повстанцы наносили по главным объектам города — казармам, радиостанции, административным центрам. После захвата радиостанции предполагалось выступление Каддафи, в котором он заявил бы о переходе власти в руки армии. Радиостанцию захватили без единого выстрела. Однако дальше «сценарий» нарушился. Радио в Ливии начинало передачи в 6 утра. На это время и предполагалось выступление двадцатисемилетнего вождя революции. Наступило 6.00. В здании радиостанции не было никого, кроме повстанцев. По нелепому стечению обстоятельств в этот день служащие радиостанции, словно сговорившись, опоздали на работу. Не имея соответствующих навыков, офицеры оказались бессильными перед радиоаппаратурой. Каддафи нервничал. Уходили драгоценные минуты. Соратники в Триполи, где переворот к этому моменту практически завершился, с нетерпением ожидали вестей из второй столицы. «Они ничего не могли, — описывает этот эпизод мальтийский журналист Фредерик Мус-

кат, — им оставалось только молиться». В 6.20 явился один из сотрудников радиостанции. Ему велели включить аппаратуру, и через несколько секунд страна услышала голос пока еще никому не известного офицера по имени Муаммар.

Так что голос революции впервые донесся из Бенгази.

— Мы никому не хотели мстить, — продолжал Хадж Мухаммед. — Да если говорить откровенно, никто особенно и не сопротивлялся. Мы арестовали нескольких министров. Посадили их в тюрьму. Однажды я пришел навестить одного из них: мы были когда-то знакомы. Пожилой человек. Я спросил, будет ли он бороться против революции. Он пообещал, что не будет, просил принести ему фруктов. Я пошел на базар, купил фруктов, хороший ананас и отнес ему. А потом поговорил с Муаммаром, и его отпустили.

Разумеется, ливийская революция не проходила столь тихо и «безоблачно», как выходило со слов Хадж Мухаммеда. Но в одном он был прав, ибо сумел очень просто, по-житейски выразить одну истину: королевский режим изжил себя. Его просто некому было защищать — настолько равнодушно относились ливийцы к судьбе монархии, настолько устали они от безынициативного Идриса, интересовавшегося собственной персоной больше, чем проблемами страны. Свободные офицеры тряхнули монархию, и она рассыпалась.

О лидере ливийской революции Муаммаре Каддафи Хадж Мухаммед говорил уважительно, но будто с удивлением: как же так, такой молодой и сумел совершить революцию. В его отношении к Каддафи проскальзывало чувство отца, гордящегося своим сыном. Хадж Мухаммед именовал Каддафи не иначе как Муаммар. Впрочем, так называют его почти все ливийцы. Одни — как сына, другие — как брата. Не случайно книга Ф. Муската о Каддафи вышла под названием «Мой сын, мой президент». Автор словно говорил: «Муаммар — сын всей Ливии».

Особое восхищение вызывало у Хадж Мухаммеда отношение Муаммара к американцам.

— О! Он показал им, что никому не позволено говорить с ливийским народом, как с ребенком. Американцы боятся его. Они боятся, ибо не знают, на что способен наш Муаммар. Кто знал что-нибудь о Ливии до Муаммара? Никто! А сейчас наша страна не сходит с

первых страниц газет. Триполи и Бенгази известны не меньше, чем Париж или Нью-Йорк.

Как мы жили до революции? И как живут ливийцы сейчас! Вы же сами видите! Мы — богатая страна. У нас много нефти. А теперь кто владеет нефтью, тот и играет самую важную роль в международных делах. Ливия очень богатая и потому сильная страна.

Хадж Мухаммед был очень доволен существующим порядком вещей, и лишь однажды услышали мы от него вздох сожаления:

— Конечно, у нас в Ливии очень справедливые законы. Они основаны на исламе, но если бы я имел право, то построил еще один дом и сдавал его квартиры жильцам. Сдача внаем квартир очень прибыльна.

«Дома только для жилья!» — еще один популярный лозунг ливийской джамахирии.

Все мы знаем о двойственности психологии, непосредственности политических взглядов представителей мелкой буржуазии. И все-таки, когда говоришь с человеком, искренне поддерживающим радикальные реформы революции и в то же время столь искренне помышляющим об отнюдь не праведных с точки зрения той же революции источниках дохода, поневоле становишься в тупик и хочешь спросить: так за кого же он, что ему дороже?

Таинственное блюдо

На праздник ид аль-адха мы устроили совместный пир. Собственно говоря, лично мы не собирались его отмечать. Наши коллеги отправились обследовать развалины Кирены, а мы с Петросяном остались вдвоем. Петросян уныло топтался на кухне, готовя гречневую кашу, я же в предвкушении ужина лежал на кровати.

Раздался звонок. Я пошел открывать дверь. На пороге, улыбаясь, стоял Хадж Мухаммед аль-Гадамси. В руках он держал большое серебряное блюдо с розовыми кусками обжаренной баранины. «Шейх» широко улыбался, не выпуская изо рта сигарету. Он прошел в комнату, по-хозяйски уселся на крутящийся стул и поставил на письменный стол свое аппетитное кушанье.

Не говоря ни слова, он рукой взял кусок, я последовал его примеру. Вошел Петросян, постоял для вежливости несколько секунд, а потом подсел к столу. Неко-

торое время все сосредоточенно жевали баранину. Впрочем, слово «жевали» не точно передает наши действия — скорее мы проглатывали недосоленные, но зато обильно поперченные куски нежнейшего мяса.

Спустя несколько минут, так же не говоря ни слова, «шейх» вышел. Он не попрощался, и мы были вправе надеяться на его скорое возвращение. Так оно и случилось. Хадж Мухаммед что-то прокричал на лестнице и тотчас же вернулся. Вскоре появилась его младшая дочь лет пяти-шести с тремя чашечками кофе.

А чем мы могли угостить «шейха»?

Я вопросительно посмотрел на Петросяна. Петросян — на меня.

— Каша, каша! — осенило нас одновременно.

Извинившись, мы оставили хозяина перед пустым блюдом, а сами отправились на кухню совещаться. На коротком совете было решено выдать гречневую кашу за шедевр национальной русской кухни. Я взял на себя пропаганду каши, а Петросян отправился доводить ее до нужной кондиции. Увы, оба мы оказались не на высоте: мои путаные объяснения (я не знал, как по-арабски сказать «каша», а уж тем более «гречневая», и называл ее просто «черной») привели «шейха» сначала в восхищение перед стойкостью русских желудков, а затем в легкий испуг, когда до него дошло, что это придется отведать ему самому, и притом немедленно. Мало способствовал его успокоению и запах, доносившийся из коридора. Каша явно подгорела. Я продолжал объяснять, а «шейх» беспокойно оглядываться на дверь.

Вскоре появился Петросян с долгожданным кушаньем. По тому, с какой скромностью он держался, я понял, что принесенное им яство отнюдь не будет способствовать росту в глазах ливийца авторитета русской кухни. Но я недооценил Хадж Мухаммеда. Он не только проглотил, не морщась, целых три ложки подгоревшей гречки, но и похвалил поварское искусство Петросяна.

Дочь «шейха» принесла еще кофе, и он, немного оправившись, сказал:

— Как трудно, должно быть, вам жить одним, без жен, питаюсь вот этим. — Он кивнул на остывшую коричневую массу и далее разъяснил свои взгляды на роль женщины в семье.

Поговорили еще с полчаса, и он ушел, с грустью глянув на нас и на кашу.

Мы потихоньку обживали квартиру, научились принимать душ, состоявший из единственной струйки воды, развесили по голым стенам картинки, перестали пугаться топота и жутковатых звуков по ночам (хозяин держал на крыше небольшую овечью отару), не обращали больше внимания на облюбовавших ванну шустрых тараканов.

Потихоньку осваивались и в Бенгази. Едва ли не каждый вечер отправлялись в город — в кино, за газетами, в гости, а чаще всего — просто так прогуляться. Ведь это замечательно: прогулка по восточному городу!

Мы гуляем по Бенгази

Иногда мы дожидались рейсового автобуса, который подъезжал почти к самым нашим дверям. В этом случае путь до центра занимал лишь несколько минут. Добродушные водители по первой просьбе пассажиров останавливали машину в любом месте. Можно сказать, автобус работал по принципу маршрутного такси. Но обычно мы предпочитали идти в центр пешком.

Пройдя метров триста и миновав «югославский госпиталь» (в нем работали специалисты из Югославии), мы попадали на узкую и низкую дамбу, отсекавшую Средиземное море от морского залива. Конечно, естественные подземные артерии связывали море с заливом, но на поверхности ничего не было видно. По дамбе проходило узкое шоссе, на разбитых обочинах которого сидели рыбаки. По пятницам дамба не вмещала всех желающих порыбачить. Из моря и из залива рыбу таскали и ливийские мальчишки и иностранцы с немислимо сложными рыболовными приспособлениями.

За дамбой шоссе круто поворачивало налево и огибало залив со стороны моря. Сделав почти полный круг, оно переходило в узкую тенистую улицу. Отсюда начинался городской район, названный в честь египетского генерала Абд аль-Монейма Риادا. Абд аль-Монейм Риад был одним из тех египетских военных, которые много сделали для повышения боеспособности армии Египта и решительно возражали против любых уступок Израилю. В 1970 году, во время инспекции позиции войск египтян на Суэцком канале, он был убит прямым попаданием вражеского снаряда в штабной блиндаж. Фотография Риادا висела в здании

районной почты, из которой можно дозвониться в любой конец земного шара.

Как-то раз я дождался звонка в Москву. Ливийцев на почте не было. Зато иностранцев — великое множество. Немцы из ФРГ, поляки, югославы, итальянцы, болгары. Сначала все держались порознь, но постепенно долгое ожидание нас сблизило. Завязался общий разговор на немецком, итальянском и славянских языках. Мы прекрасно понимали друг друга.

Мой собеседник, пожилой немец из ФРГ, обладал удивительной и, если можно так выразиться, поучительной биографией. Он воевал, был взят в плен и несколько лет работал на шахте в Донбассе.

Спустя тридцать лет он вернулся в Советский Союз и вновь поработал у нас почти год, теперь уже на олимпийской стройке.

Немец сносно говорил по-русски, ненавидел американцев и очень огорчился, что в Ливии запрещена продажа водки.

Улица, на которой находилась почта, выходила в центр и упиралась в высокое желтое здание городского народного комитета. Оно состояло из трех многоэтажных прямоугольных секций, опирающихся на два ряда белых колонн. В галереях между колоннами гулял прохладный легкий ветерок, доходивший сюда со Средиземного моря.

Фасад городского комитета выходил на просторную площадь, сплошь заставленную автомобилями. На ее углу в газетном киоске продавались вчерашние (реже сегодняшние) ливийские газеты, французские и итальянские журналы. Из этих журналов строгие ливийские цензоры изымали, а точнее сказать, выдирали страницы с материалами, могущими смутить правоверного мусульманина. Черной краской затушеваны отдельные фрагменты фотографий женщин.

Неразговорчивый газетчик с городской площади не любил, когда покупатель, прежде чем выбрать журнал, перелистывал пяток остальных. Таких «читателей» он отгонял от своего киоска.

За городским комитетом раскинулась еще одна площадь, поменьше. На ней стоял массивный двухкупольный собор, сооруженный по повелению бывшего правителя Италии Муссолини. Начали его строить в 1928 году, а кончили в 1932-м. Желтого цвета, с двумя зелеными куполами, он походил и на византийскую базилику,

и на мусульманскую мечеть. По замыслу итальянцев, собор и площадь перед ним должны были стать центром колониального Бенгази. Место и впрямь выбрано самое подходящее. Собор стоит как раз посредине города. Перед ним разбит небольшой скверик, заполненный по вечерам детьми и женщинами с колясками.

Неподалеку от собора начинается главный городской бульвар, тенистый от густых эвкалиптов. С трех сторон его обтекают потоки машин, гудки которых заглушают птичий щебет.

В конце бульвара — кинотеатр «Бенгази». Рядом с ним — закусочная, в которой в один миг вам приготовят бутерброд с горячей яичницей и несколькими кусочками печени. В Бенгази почти нет ресторанчиков, где можно быстро и вкусно поесть. (Как тут не вспомнить гурманку Батну!) Основное блюдо в здешних харчевнях — переперченная любия с жестким мясом или то же мясо с плавающими в красном остром соусе спагетти. Без пепси или хотя бы простой холодной воды съесть такое кушанье невозможно.

На углу сквера — главный почтамт Бенгази и телефонная станция. Здесь было всегда многолюдно. И также полно иностранцев, получавших письма до востребования. Письма хранились в специальных именных почтовых ящичках, секции которых выстроились у входа.

Городской бульвар окружают высокие солидные здания, среди которых выделяются два особенно шикарных, похожих друг на друга. В одном из них разместился самый фешенебельный отель — «Омар Хайям», в котором останавливались наиболее именитые гости Бенгази. У входа в «Омар Хайям» на следующий день после приезда в Бенгази мы встретили старого знакомого — Халеда, короля Саудовской Аравии. Халед подкатил на светло-зеленом «пежо», сам открыл дверь автомобиля и стремительно направился к входу. Короля сопровождали люди, одетые, как и он, в темные накидки и белые куфии (головные платки). Наверное, принцы. Халед уже вошел, когда с воем подскочили несколько черных мотоциклов королевской охраны.

Если бы мы последовали за королем в «Омар Хайям» и прошли бы отель насквозь, то оказались бы на нарядной набережной, по которой гуляли вечерами жители Бенгази и его гости. В свое время вдоль берега проходили рельсы, потом их убрали, набережную почистили, заасфальтировали, установили яркие желтые фонари.

Море здесь мелкое, видны покрытые водорослями зеленые глыбы. Набережная окаймляет небольшую бухточку, куда даже в самые сильные штормы не проникали волны. Глядя на спокойную водную гладь, трудно представить, что всего в нескольких сотнях метров отсюда бушуют и свирепо кидаются на берег огромные валы.

Короткая набережная заканчивалась у четырехэтажного отеля «Каср аль-Джазира». Вход в него всегда ярко освещен. Справа от отеля растет несколько пальм и стоит точно врытая в землю афишная тумба. Около входа на флагштоках висят флаги государств — участников первого африканского чемпионата по шахматам. Большой любитель этой игры, Миша захотел взглянуть на захватывающее состязание и был разочарован, узнав, что оно давным-давно завершилось.

В последние годы спорту уделяется в Ливии очень большое внимание. В Бенгази состоялись Панафриканские игры, для проведения которых был построен современный спортивный комплекс — прекрасный стадион на 50 тысяч зрителей, крытый зал, тренировочные площадки.

Мы попали сюда на представительный международный турнир армейских команд по баскетболу. Собрались команды из Болгарии, КНДР, Польши, ФРГ, многих африканских и арабских стран. Вход бесплатный. Зрители, в основном молодежь или совсем мальчишки, бурно реагировали на перипетии матчей. Болели за арабов. Шум и крик стоял неимоверный. Шел матч армейских команд ФРГ и Южного Йемена. Бурная поддержка залом йеменских спортсменов, их желание выиграть или хотя бы оказать достойное сопротивление не могли стереть слишком большую разницу в классе. При счете 86:12 в пользу немецких баскетболистов зал несколько приуныл. Надо отдать должное и немецким спортсменам. Они отнеслись к соперникам подчеркнуто уважительно, никак не выказывая своего пренебрежения к молодой йеменской команде.

Мне говорили потом, что на матчах с участием ливийцев не слышно даже собственного голоса. Ливийские спортсмены выступают в зеленой форме, подчеркивая этим свою принадлежность к исламу. В последнее время появилось немало печатной продукции, в которой дается обоснование глубоко позитивного отношения ислама к спорту. В некоторых газетах и журналах спор-

тивные соревнования приравниваются к джихаду, особенно когда речь идет о встречах с командами из стран, противостоящих мусульманским государствам на международной арене.

В Бенгази две главные улицы. Одна, самая длинная, пересекает практически весь город. Называется она в честь Гамалья Абдель Насера, другая носит имя национального героя Ливии Омара аль-Мухтара. Насер считается духовным отцом ливийской революции. Его идеи, взгляды оказали неизгладимое впечатление на Каддафи, не раз подчеркивавшего, что он является продолжателем дела покойного египетского президента. На улице Насера неподалеку от Морского клуба поставлен памятник великому сыну египетского народа.

На этой улице нет рекламного изобилия. Скромные витрины светятся до 7—8 часов вечера. Вот на углу собралась толпа мужчин. Они оживленно жестикулируют и показывают на витрину одного из магазинов. Что там творится, не видно. С большим трудом протиснувшись к витрине, я обнаруживаю предмет повышенного интереса. На инкрустированной тумбочке стоит телевизор — идет передача футбольного матча знаменитых европейских клубов. От расположенного неподалеку кинотеатра «Наджма» к телевизору перебегают зрители.

Если свернуть с улицы Насера в один из узких переулков, то попадешь в царство кромешной тьмы, лишь изредка озаряющееся фарами осторожно ползущих вдоль стен автомобилей. Проезжая часть изобилует рытвинами, ямами, нет тротуаров — редкие прохожие жмутся к домам. В одном из таких переулков находится христианская церковь. По внешнему виду обнаружить ее невозможно: она ничем не отличается от прочих зданий.

Но над одной ничем не примечательной дверью висит скромный крестик. Дверь эта открыта, лишь когда в церкви идет служба. Можно прожить в Бенгази много лет, да так и не узнать об этом спрятавшемся в темном переулке храме.

Итак, мы открыли дверь и вошли. Через сквозное парадное попали в узкий проход, в конце которого другая дверь, ведущая непосредственно в церковь. На кафедре — католический священник. Перед ним большая толпа прихожан, в основном европейцев. При входе в

церковь лежат томики Евангелия. Служба скоро закончилась, и верующие начали расходиться.

По переулку мимо двери с крестом лилась арабская песня, в ритме которой угадывался шаг верблюжьего каравана. Эту песню, называвшуюся почему-то «Куриный глаз», я слышал однажды в Батне. Было трудно определить, из какого окна неслась музыка. Мы сделали несколько шагов. Впереди замелькали огни. Вот и перекресток улицы Насера и другой, главной улицы Бенгази, — Омара аль-Мухтара. Через улицу протянулись провода, на которых загорались по вечерам десятки лампочек. Это придавало ей тихую провинциальную праздничность. В позднее время улицу закрывали для проезда автомобилей, но люди все равно ходили только по тротуарам, изучая витрины магазинов. На улице Омара аль-Мухтара много сувенирных лавок. Выглядят они крайне заманчиво, но велико же бывает разочарование, когда узнаешь, что вся выставленная в них восточная мишура отнюдь не местного происхождения. Купить истинно ливийский сувенир практически невозможно. Зато повсюду навалены привозные дешевые ковры, коврики, транспарантики с изречениями из Корана, с изображением мечетей святой Мекки. Тут же продаются убогие покрывала с котятками, лебедями (да-да, именно лебедями!) и какие-то уж совсем странные «произведения искусства», живописующие в легкой, непринужденной форме быт и нравы гаремов. Женские физиономии смахивают на мужские, и узнать пол действующего лица можно только по одежде.

Улица Омара аль-Мухтара завершается маленькой площадью с одиноким фонарным столбом посредине. На ней старейшая, построенная в XVI веке, мечеть Джами аль-Кабир. Вообще в Бенгази мечети не бросаются в глаза, как, скажем, в Триполи, Аль-Бейде, Хомсе и других ливийских городах. Их минареты теряются среди многоэтажных домов. Не слышно и муэдзинов.

Города Северной Африки... Именно в них аккумулируются сегодня многие сложные социальные явления. Нелегкие, запутанные судьбы людей, трудная судьба мусульманского мира. В 1980 году удельный вес городского населения составил в странах Северной Африки свыше 40 процентов. К 2000 году там будет жить более половины населения.

Три города на Севере Африки, о которых написаны эти заметки, очень непохожи друг на друга размерами, значением для своих стран, числом жителей. Через один протекает река, в другом главный источник влаги — фонтанчик на площади, третий стоит на берегу моря. Один не обойдешь и за месяц, другой узнаешь через три часа. В одном огромный аэропорт, во втором гул самолета слышат раз в год. В третьем есть аэропорт, зато нет железной дороги (в Ливии только планируют строительство магистрали, которая соединит Бенгази с Триполи). Египетский диалект никак не пригоден в алжирской Батне. Зато в Бенгази можно смело им пользоваться — поймут.

Три разных города, в которых живут арабы — египтяне, алжирцы, ливийцы. Перед ними стоит уйма нерешенных проблем, главная из которых — как, каким путем им идти навстречу прогрессу, избавляться от того уродливого наследства, которое оставил им поверженный национально-освободительным движением колониализм.

Есть такая нелепая, но очень трогательная примета. Чтобы вернуться в полюбившийся город, надо бросить в его реку, фонтан, озеро, море — в его воду, одним словом, монету. Я кинул монеты в Нил, в маленький бассейн с большими золотыми рыбками в Батне, в соленый залив Бенгази...

АРАБИСТ-ИСЛАМОВЕД ОБ АРАБАХ АФРИКИ

Количество путевых очерков в нашей востоковедной литературе быстро растет. Это свидетельствует, с одной стороны, об огромном интересе нашего читателя к странам Востока, а с другой — о расширении разнообразных связей СССР с этими странами. Благодаря этому все больше и больше советских специалистов самого различного профиля бывали в ранее неведомых или малоизвестных странах афро-азиатского мира. Среди них геологи, биологи, врачи, инженеры, строители, экономисты, преподаватели, студенты, переводчики, историки, филологи и другие. Некоторые уже поделились с читателем своими впечатлениями от пребывания в странах, казавшихся прежде таинственными и непознаваемыми, а ныне все более раскрывающимися перед нами богатство своей древней и своеобразной культуры. И чем ближе мы узнаем эти земли, знакомимся с жизнью и духовным миром населяющих их народов, тем больше убеждаемся во всемирном единстве человечества, основных законов его жизни и развития, общности его главных интересов при всем разнообразии типов внешности, нравов, обычаев и языка людей, живущих в различных природных, экономических и социальных условиях.

Наиболее ярко и доходчиво об этом пишут журналисты и литераторы. Однако если журналист — еще и специалист по стране, то читать его дорожный дневник вдвойне интересно. Автор данных очерков — кандидат исторических наук Алексей Всеволодович Малащенко, специалист по новейшей истории арабских стран и квалифицированный исламовед, опубликовавший немало работ, в том числе книгу об идеологии независимого Алжира¹. Он неоднократно выступал на страницах наших востоковедных журналов со статьями, сочетая в них знание исследуемой им темы с образностью, оригинальностью и доходчивостью изложения. Фрагменты из очерков, помещенных в данной книге, были ранее опубликованы в журналах «Азия и Африка сегодня», «Вокруг света», «Наука и религия».

Попав студентом в Каир, автор всему удивляется, на все реагирует и, как это свойственно молодости, склонен над многим из увиденного подшучивать. Работая переводчиком в Батне, он уже старается глубже смотреть на окружающее, отбирая из вороха впечатлений те, которые кажутся ему более стоящими и значительными. Оказавшись в Бенгази, А. В. Малащенко старается свои личные наблюдения не только совместить с тем, что он знает о

¹ Малащенко А. В. Официальная идеология современного Алжира. М., 1983.

Ливии и ливийцах, но и подать их на фоне истории описываемого им города.

Это вовсе не значит, что чем дальше, тем меньше остается в очерках живости и непосредственности. Как раз напротив. Все, что изложено в этой книге, происходило давно, в 70-х годах. Соблюдая дистанцию во времени, еще раз все взвешивая и продумывая, автор старался передать именно те мысли и ощущения, которые были ему свойственны во время пребывания в Египте, Алжире и Ливии.

На предлагаемые читателю очерки не следует смотреть как на исторический труд или географическое описание. Конечно, элементы истории и географии неизбежны в дорожном дневнике. Но они — не главное. В основе путевых заметок всегда должны быть личные впечатления, личный взгляд автора, его умение передать непосредственное ощущение контакта с иной, непривычной для читателя действительностью. И все это, безусловно, присутствует в книге. Пытливый взор автора, его откровенность и искренность, находчивость и меткость оценок, неизменное чувство юмора, а иногда даже самоиронии наилучшим образом помогают нам увидеть и услышать то, что он увидел и услышал сам.

В чем же значение увиденного и услышанного автором? Чем нам все это интересно? Прежде всего тем, что непринужденный и непритязательный рассказ о трех городах на севере Африки знакомит нас с жизнью очень интересных и значительных арабских стран, с бытом, привычками, повседневными думами и психологией египтян, алжирцев, ливийцев.

Египет в 1972—1973 гг. переживал необычный период отказа от наследия революционного периода 1952—1970 гг., получившего в нашей литературе наименование «времени президента Насера». Сменивший Насера новый президент Анвар Садат постепенно сместил ось государственной политики Египта вправо, столкнул страну с пути социалистической ориентации на рельсы капиталистического развития, провозгласил курс «открытых дверей» для иностранных монополий. Показать все эти процессы не было целью данных очерков, тем более что упомянутые в книге годы — лишь начало садатовского правления. Однако А. В. Малашенко сумел сказать и об этом, пусть как бы мимоходом. Сквозь крепко сшитую ткань его текста, изобилующего бытовыми зарисовками, жанровыми сценками и чисто туристскими впечатлениями, просвечивают тревога и беспокойство. Их не могут не вызвать кричащие социальные контрасты, обилие нищих, бедности, а главное — безразличия к этой бедности тех, кто охвачен вакханалией коммерческого ажиотажа, купается в роскоши, насквозь пропитан зудом частного предпринимательства. Что им обездоленные «рагули», не имеющие ни работы, ни средств к существованию, ни собственного достоинства? Что им изуродованный ветеран суэцкой войны? Это они поощряли антисоветскую кампанию в стране, которой союз с СССР во время Насера так много дал. И конечно, для многих простых египтян, понимавших уже тогда, к чему клонил Садат, новый президент был «амрики», т. е. проамериканец, как справедливо сказал беседовавший с автором таксист.

Совершенно иное положение характерно было для Алжира. В 1974—1976 гг. Алжир шел вперед семимильными шагами. Именно тогда в стране строились десятки предприятий, возводились новые поселки и кварталы городов, открывались университеты, институты, учебные профтехцентры. Успешно осуществлялась вторая

фаза «аграрной революции», которая дала землю примерно 37 тыс. крестьянских семей, объединив их в 6 тыс. кооперативов². Можно без преувеличения сказать, что для Алжира то время было расцветом социалистически ориентированного развития, для которого были характерны направляемая государством и проводившаяся на плановой основе интенсивная индустриализация, прогрессивные преобразования на селе, наиболее ярким свидетельством которых были упоминаемые в очерках «социалистические деревни». Многие из всего упомянутого остается как бы «за кадром» авторского повествования. Да это и неудивительно. Батна хоть и является центром одноименной вилайи, но все же стояла в стороне от многих бурных социальных процессов в Алжире 70-х годов, особенно индустриализации. Тем интереснее нам узнать, каковы были отголоски этих процессов в алжирской провинциальной глубинке, и мы узнаем немало: и о строительстве новых районов Батны, и о возникновении в ней университетского городка, и о положении женщин, и об иностранных специалистах, особенно из социалистических стран, помогающих Алжиру строить новую жизнь и готовить собственные кадры. Вместе с тем автор не скрывает и трудностей, противоречий движения Алжира по пути социального прогресса. Достаточно вспомнить в этой связи лишь два сюжета из жизни Батны. могучую стихию местного рынка и силу мусульманской религии.

Бенгази в очерках А. В. Малашенко занимает особое место. И дело не только в том, что истории города, которой автору пришлось заниматься на месте, он уделил достаточно внимания. Это само по себе интересно, ибо историю не только Бенгази, но и вообще арабских городов Африки мы знаем еще плохо. Дело в том, что этот город, как и вся страна, до недавнего времени, а именно до сентябрьской революции 1969 г., принадлежал скорее прошлому, чем настоящему.

С тем большей энергией и напористостью ливийцы наверстывают упущенное. И Бенгази это касается в первую очередь. Если Триполи — центр западной Ливии — всегда был восприимчивее к иноземным веяниям и частично даже был населен итальянцами³, то Бенгази — центр более традиционной и консервативной области Киренаика — в большей степени может считаться мерилем изменений, внесенных революцией в жизнь Ливии. И действительно, вполне достаточно описания университета Гар-Юнис, цитирования некоторых высказываний ливийцев, в том числе и тех, кто выражал свое отношение к революции, чтобы нам стало ясно не только значение перемен в Ливии, но и того, что эти перемены продолжатся у нас на глазах и, судя по всему, далеко еще не завершены.

Поэтому даже мимолетные наблюдения автора приобретают особо важный характер, ибо они косвенно указывают (или отвергают) тот или иной предполагаемый путь развития Ливии. Вместе с автором мы гуляем по Бенгази, беседуем с хранителем библиотеки доктором Кутейом и домовладельцем Мухаммедом аль-Гадамси, осматриваем неприметную христианскую церковь. При этом все эти, казалось бы, случайно выхваченные из потока жизни впечатления и воспоминания автора выполняют одну функцию: последовательно,

² *Аргентов В. А.* Алжир на новом пути. М., 1982, с. 34.

³ В 1964 г. в Ливии проживало 42 тыс. итальянцев (справочник «Современная Ливия». М., 1965, с. 30).

с разных сторон и по-разному поводу, максимально подробно осветить жизнь города Бенгази, а на этом материале — современной Ливии.

И еще одна особенность предлагаемых читателю очерков привлекает внимание. В нынешней обстановке накала религиозных страстей на Востоке, в первую очередь идущего из Ирана «исламского бума», чрезвычайно интересно прочитать путевые заметки по арабским странам не просто арабиста, а прежде всего исламоведа. Поэтому стоит рекомендовать читателю самое пристальное внимание обратить на рассказы о тех или иных особенностях исполнения предписаний ислама в разных странах, на описание мусульманских праздников и обычаев, на беседы с самими арабами об исламе. Это несомненно поможет понять психологические корни многих явлений религиозной жизни Востока, для широкого читателя не всегда понятных при изложении лишь внешней, «событийной» стороны дела.

Наконец, для специалистов-востоковедов очерки А. В. Малащенко несомненно интересны показом (иногда не прямым, а косвенным) не только того, как мы познаем изучаемые страны Азии и Африки, но и как жители этих стран познают СССР — нашу помощь, людей, достижения, культуру. Это тоже немаловажно, особенно если учесть, что мир зарубежного Востока за последние годы намного к нам приблизился и нам открылся. Сейчас мы находимся с этим миром в гораздо более тесном контакте, чем когда-либо. И это ко многому обязывает, прежде всего к максимальному взаимопониманию и взаимопознанию.

Р. Г. Ланда

СОДЕРЖАНИЕ

Каир 1972 года	3
Тихий город Батна	42
Беседы в Бенгази	76
<i>Р. Г. Ланда</i> . Арабист-исламовед об арабах Африки . . .	101

Города Северной Африки... Именно в них аккумулируются сегодня многие сложные социальные явления. Нелегкие, запутанные судьбы людей, трудная судьба мусульманского мира... Три разных города, в которых живут арабы — египтяне, алжирцы, ливийцы. Перед ними стоит масса нерешенных проблем, главная из которых — как, каким путем идти навстречу прогрессу, избавляться от того уродливого наследия, которое оставил им поверженный национально-освободительным движением колониализм.